

Задонский Пятошник

№ 56 2007 г. По благословению епископа Липецкого и Блецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

В НОМЕРЕ:

С НАМИ БОГ

Проповедь епископа
Липецкого и Блецкого
Никона

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ
ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«О грехе»

МОНАШЕСТВО –
ЭТО ТАЙНА БОЖИЯ
Из наставлений
прп. Варсонофия,
старца Оптинского

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний
о схархимандрите
Виталии

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Слово на панихиде

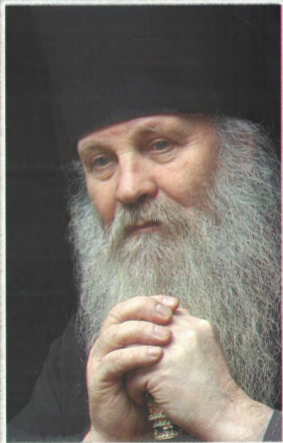
ХРИСТИАНАМ
О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с кавказским
пустынником: «О совре-
менном монашестве»

СТАРИЦА МИХАИЛА
Из воспоминаний
о схимонахине Михаиле
(Сарычевой)

ТИХАЯ ЛЕСНАЯ ОБИТЕЛЬ
История Свято-
Тихоновского монастыря

ЖИВАЯ ВОДА
ПРОМЫСЛА БОЖИЕГО
«Господь вчера и днесь
Той эсе и во веки»

О ПРОСТЕЦЕ С КРЕСТОМ
ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ
и другое...

**ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ
ЕПИСКОПУ ЛИПЕЦКОМУ И ЕЛЕЦКОМУ
НИКОНУ,
НАМЕСТНИКУ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-
БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ**

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка!

Сердечно поздравляю Вас и братию монастыря с великим и радостным праздником Рождества Христова и Новым годом.

Ныне небо и земля торжествуют вкупе, ибо Господь пришел на землю «и, приидя, благовествовал мир... дальним и близким» (Еф. 2,17), дабы в Нем обрели спасение все народы земли.

В эти радостные дни все мы призваны словом и делом, самой жизнью своей свидетельствовать о непреходящих духовных сокровищах, дарованных в тайне Боговоплощения и на протяжении веков бережно хранимых Церковью.

Убежден, что лишь верность духовно-нравственным принципам и истонным традициям помогут нам в преодолении всех временных трудностей и испытаний, обеспечат мир и общественное согласие. Усилим же наши общие молитвы и труды, дабы достойно служить Богу и ближним.

От души желаю Вам и насельникам обители крепости душевных и телесных сил, мира, радости и помощи Божией в дальнейших трудах на месте Вашего служения.

С любовью о Христе Родившемся

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

Рождество Христово
2006/2007
Москва

*Посвящается епископу Липецкому Никону
в день 65-летия*

Нам очень повезло, что мы живем в России,
Где Истина явилась нам в предельной полноте;
Здесь в Православии открылся нам Мессия —
Христос, аз всех страдавший на Кресте.

Нам очень повезло, что вовремя родились,
И мрак безверия сумели одолеть,
Что пустотой его не соблазнились,
И Бог возможность дал прозреть.

Нам очень повезло, что место это свято:
Задонская земля — монастырей удел,
И благодатными потоками объята
Живит и обновляет дух людей.

Нам очень повезло с Владыкой. Знаем,
Что, не жалея сил хранит он веру чистоту.
В его рождени есть созвучье с Николаем:
Любовью так же он приводит ко Христу.

Нам очень повезло, что храм Никольский ожил,
И в душах остановлен темный безпредел,
Земля теперь святится домом Божиим
И согревается лучами добрых дел.

Нам научиться бы по-христиански жить:
Свои поступки, разум, чувства, речь
От лжи, порока, злобы оградить
И совесть ясной, светлой уберечь.

*М. С. и прихожане Никольского храма,
село Хмеленец*

С нами Бог!

Дорогие отцы, братья и сестры, поздравляю вас с Рождеством Христовым! Для нас этот праздник имеет великое значение. В Священном Писании сказано: «Се, Дева во чреве приимет и родит Сына, и нарекут имя Ему Еммануил, еже есть сказано: с нами Бог» (Мф. 1, 23). Господь родился в вертепе, а не в царских чертогах, как ждали евреи; явился простым пастухам. И возвестил им Ангел: «*Не бойтесь: се бо, благовестую вам радость велию, яже будет всем людем: яко родися вам днесь Спас, иже есть Христос Господь, во граде Давидове: и се вам знамение: обрящете Младенца повита, лежаща в яслех*» (Лк. 2, 10-12).

В этот день мы, встречая рожденного Богомладенца, украшаем не только храм Божий, но и свои жилища. Господь приходит в мир, чтобы освободить нас от диавольского плена. Спаситель сказал: «*Мир оставяю вам, мир Мой даю вам*» (Ин. 14, 27), а Ангелы воспели: «*Слава в вышних Богу, и на земли мир...*» (Лк. 2, 14). Пусть же этот Божий мир будет в сердцах наших всегда, везде и всюду. Если человек мирен, то у него нет проблем, все у него хорошо. Как только человек теряет мир, он становится беззащитным, появляются переживания, а отсюда проблемы и со здоровьем, и с людьми, и в труде, и в учебе. Немирная душа постоянно волнуется, а эти переживания отражаются на только на человеке, но и на обществе.

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

*Христо-Рождественский собор,
г. Липецк, 7 января 2007 г.
Задонский Рождество-Богородицкий
мужской монастырь,
9 января 2007 г.*

Только Господь может дать нам мир. Мы когда что-то приобретаем здесь, на земле, — богатства,

почести, — думаем, что, имея достаток во всем, будем спокойно доживать свой век. Но так не получается. Приходит скорби, болезни, возникают неурядицы — и опять волнения, нет мира. А Господь го-

ворит: «*Ищите же прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*» (Мф. 6, 33). Ищите прежде всего Небо, веру, молитву, вечную жизнь — тогда и мир будет в вас. Он водворится в нас, и мы будем спокойно смотреть на все происходящее вокруг. А вокруг нас беспокойно — войны, катаклизмы природы... Как быстро все меняется вокруг — это мы замечаем, а то, что мы сами стали агрессивными в пороках своих и страхах, закоснели в блуде и пьянстве, — не видим. У некоторых такая раздражительность по причине бедности и зависть, что кто-то имеет миллиарды, а им не на что купить хлеб... Мы живем в постоянной тревоге — все мысли наши о земном, а была бы вера...

Те, кто попадали в стихийные бедствия, испытывали страх и ужас, те, кто видели приближение смерти, начинали вспоминать о Боге. Тем, с кем приключилось несчастье, или случилась болезнь, надо задуматься, почему это приключилось, за что постигло это наказание. Надо посмотреть на свою жизнь, надо покаяться, испривить себя и успокоиться. За развращенную жизнь рода человеческого будут на земле в людях неисчислимыя язвы. Это для того, чтобы нас очистить от грехов, чтобы вразумить нас, но мы не вразумляемся. Господь пришел на эту землю не для того, чтобы мы пели и паясали, жили в наслаждениях и утехах, в славе и почестях. Нет, но чтобы приготовить род человеческий к встрече с Богом в Царствии Небесном...

Господом нам дана свобода выбирать свой путь в этой жизни. Поэтому от нас зависит — будем ли мы с Богом или нет. Если бы не было врага душ человеческих — дьявола — не было бы и борьбы. Но именно борьба и определяет, что человек приобретает, чего достиг, что он наследует. Господь попускает вражьи силы бороться нас и помыслими, и искушениями, и соблазнами насладенный и развлеченный. Борьба — то и показывает, кому мы служим, кто нас поработил... Но мы уходим от Бога и живем во вражде с Ним...

Священное Писание говорит: «*Не упивайтесь вином, в нем же есть блуд*» (Еф. 5, 18). А что такое вино? Старец 30 лет подвизался один в пустыни. И вот однажды, устав от борьбы, сел на бревнышко, галнул, а рядом с ним сидит бес. Пустыльник говорит:

— А ты чего здесь?

— Я, — отвечает демон, — 30 лет тебя борю... Сделай что-нибудь из трех, что я скажу, и я от тебя отойду.

— А что сделать?

— Или вина напейся, или сотвори блуд, или кого-нибудь убей.

Дьявол исчез, а слова эти запали в душу подвизника. Думал он: убить нельзя, сблудить тоже, пойду выпью вина. Пошел в харчевню, выпил. И благодать Божия враз от него отошла. Под действием вина он совершил блуд с женой трактирщика. Сказали трактирщику, он бежит и застает их во время греха. Завязалась драка, и старец совершает убийство. Так через винопитие он совершил все три злодеяния. А мы сейчас и без вина, как лев рыкаем, ница, кого поглотить. Особенно достается нашим родным и близким. А что и говорить о том, когда мы бываем пьяными...

Изменился род человеческий. Страсти и пороки все более умножаются, порабащая весь мир и каждого человека. Люди все более погрязают в грехах.

Будем, дорогие, всегда призывать Господа, чтобы Он покрыл нас от всяких зол и врагов видимых и

невидимых, чтобы приготовить себя к встрече с Богом.

Когда Господь родился, звезда направляла путь волхвов к Богомаладенцу, она осветила место Его рождения, этот вертеп, эти ясли, в которые Он был положен. Эта звезда освещает и показывает нам путь к Богу. Нам нужно только жить этим светом. Господь сказал: «*Аз есмь свет миру... ходите, дождеже свет имате, да тма вас не имет*» (Ин. 8, 12 и 12, 35). С Богом мы знаем путь, без Него блуждаем по жизни...

Когда я учился в семинарии в Одессе, вечером у нас было свободное время для подготовки к урокам. И вот один семинарист, молодой парнишка, перепрыгивал через забор и уходил в город. А там много пансионатов (Одесса — курортный город), там музыка, всякие развлекательные программы... Я у него как-то спросил: «*Куда ты все время уходишь?*» Он ответил: «*Ищу себя*». «*А разве ты не на-*

шел себя, разве ты не определялся?» Это его слова так глубоко западали мне в душу, так горько мне было, что он и в семинарии не нашел свой путь. А что сказать о нас? Мы нашли, мы идем по пути ко спасению? Мы также ищем себя. Одни говорят, мы должны раскрыть свои таланты и способности, мы хотим найти себя в знаниях, искусстве, бизнесе... Мы искали себя в советское время: хотели построить рай земной и найти себя в этом рае и не нашли...

Если человек не нашел себя в этой жизни для Бога — горе ему. Надо день и ночь плавать, вопить к Богу, как вопил апостол Петр, когда трижды отрекся от Спасителя.

Мы должны быть благодарны Богу за все, что Он посылает нам. Сейчас благоприятное время, когда мы должны познать Господа, всем сердцем прилепиться к Нему и воспеть Ему Ангельскую песню: «*Слава в вышних Богу, и на земли мир, во человецех благоволение*» (Лк. 2, 14).

Я желаю вам, чтобы этот праздник Рождества Христова был бы в сердце каждого человека, в каждой семье. Рождайтесь в новую жизнь, обновляйтесь, стремитесь к святости, к Богу, живите в мире с ближними. Если кто-то имеет какую-либо вражду на другого, помните, для вас не родился Христос. Если вы хотите отомстить — для вас нет Христа. Если вы постоянно живете только обидами, ревностью и злопомнением, то в вас нет Христа. Христос родился для того, чтобы мы жили счастливо, чтобы мы приготовили себя к вечности, чтобы нас соединить с Собой. Будем же помнить об этом и жить во Христе, со Христом, потому что наша жизнь есть только с Богом. Ему слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Святитель Жихон Задонский Краткие правоучительные слова

слово девятнадцатое

О грехе

Невозможно в достаточной мере оплакать растления и окаяинства, последовавшего в человеческом естестве после падения. Нет ничего более вредного для человека, чем грех, но и ни к чему так не склонен человек, как ко греху, — человек, говорю, разумное Божие создание, особым Божиим советом: *сотворим человека* (Быт. 1, 26), созданное, по образу Божию и по подобию сотворенное.

О, как сильно заразил нас, о человеке, супостат наш! Как смертельным своим ядом повредил змеей этот чистое и непорочное естество наше! Ко всякому греху неустойчиво стремится человек. Это наше бедствие и окаяństwo оплакивает пророк: *Человек, будучи в чести, не уразумел сего, сравнился со скотами несмысленными и уподобился им* (Пс. 48, 13). Действительно, человек сравнился со скотами несмысленными и уподобился им. Те страсти, которые есть в скотах, видны и в человеке. Гордятся и надмевается скот, то же видим и в человеке. Гневается и злится скот — гневается и злится человек. Завидует скот — завидует и человек. Дерется скот со скотом — дерется и человек с человеком. Похищает скот — похищает и человек. Обжирается скот — обжирается и человек. Творит волю похоти скот — творит волю по-

хоти и человек, и т.д. И что горше всего: все те страсти, которые отдельно в каждом животном имеются, в одном человеке обретаются. Он горд и кичлив, он гневлив и злобен, он завистлив, он похотлив и прихотлив, он обжорлив, он чужого добра желает, и прочее.

О любезное Божие создание! Где твоя прекрасная красота, образ Божий и подобие? Где твоя святость, непорочность и правда? *И человек, будучи в чести, не уразумел этого, сравнился со скотами несмысленными и уподобился им.* Ужасно описывает и нашим внутренним очам представляет человека святой апостол, — человека, который Божией благодатью не обновлен: *нет праведного ни одного; нет разузнающего; нет ищущего Бога; все совратились с пути, до одного негодны; нет делающего добро, нет ни одного. Гортань их — открытый гроб; языком своим обманывают; яд аспида на губах их. Уста их полны злословия и горечи. Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их; они не знают пути мира. Нет страха Божия пред глазами их* (Рим. 3, 10-18).

Но посмотрим, сколь великое зло — грех, хотя его и любит человек, и так удобнее уклонимся от греха.

1) Грехом оскорбляется и прогневается великий и непостижимый Бог, Тот, Который нас создал из ничего, создал по образу и подобию Своему; Тот, Который

ради нас, падших, послал в мир Единородного Сына Своего; Тот, Который каждый день и час благоговит нам; Тот, Который питает нас, напоевает нас, одевает нас, дает нам покой и подает нам прочие безчисленные блага; Тот, наконец, Который грешника за грех пред всем миром будет судить. О, вонистую непостижимое зло есть грех, ибо им непостижимое величество Божие оскорбляется!

2) Греха никто не может отнять от человека, кроме Сына Божия. Он ради того, чтобы отнять грех, пришел в мир, пострадал и умер, чтобы истребить грех. *Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола* (1 Ин. 3, 8). *Вот Агнец Божий, Который берет на Себя грех мира* (Ин. 1, 29). Слава Его человеколюбиво!

3) Грех творит смерть, ибо возмездие за грех — смерть (Рим. 6, 23). Так прародители наши в раю согрешили и смертью умерли и новеки бы мертвыми были, если бы Христос, Сын Божий, Кровью Своей не оживил их. *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13, 8), ибо Кровь Его святая, за весь мир пролитая, как ныне, так и с начала мира, действительна была для оживления каждого грешника, верующего в Него.

4) За совершенный грех человека тяжело и люто мучает

совесть, так что часто человек умерщвляет себя, не вытерпев мучений совести.

5) За грех бывают временные наказания, как-то: голод, пожары, войны, моровые язвы, болезни, землетрясения и прочее. Смерть, убийство, ссора, меч, бедствия, голод, сокрушения и удары — все это для беззаконных, — говорит Сирах (Сир. 40, 9-10). «Грехи — причина всех зол», — говорит святой Златоуст. Видите, какое великое зло есть грех, зло злее всякого зла. О, воистину душе нашим ходить, нежелая грешить; лучше в пламя и тешивше сидеть, нежелая грешить. Лучше в ранах и во всяких болезнях быть, нежелая грешить. Лучше света не видеть и во тьме сидеть, нежелая грешить. Лучше поругание, осмеяние, укоры, поношение, побой и раны терпеть, нежелая грешить; лучше, наконец, всякое зло, какое в мире сем может быть, терпеть, нежелая грешить! Потому что каждое из этих зол мучит только тело, и мучит только временно, ибо смерть всем зло — страданием полагает конец; тут всякое бедствие и кончится. Но грех и тело, и душу мучит, и вовеки без конца мучать будет. Ибо грех —

причина всякого бедствия, случающегося в мире сем, как выше сказано. Если бы греха не было, не было бы и бедствия. Начался в мире грех, и этому последовали всякие бедствия. Сладко людям грех, но горьки его плоды. Семя горькое горькие и плоды рождает.

Волюбленные христиане! Познаем грех, чтобы от греха уклониться, ибо каждый от позванного зла уклонится. Знают люди, что яд вредит, и его уклоняются. Знают, что змея жалом своим умерщвляет, и берегутся его. Знают, что разбойники грабят и убивают, и избегают их. Познаем и мы, волюбленные, грех и происходящее от греха зло, и непременно будем от него уклоняться. Ибо грех вредит больше всякого яда, грех ядовитее всякого змея, грех обнажает нас хуже любого разбойника, лишает временных и вечных благ, и убивает тело и душу. Вот плоды горького семени греха.

Грех — гнев, ярость и злоба.

Грех — гордость, высокомерие, надменность, княчиность и презрение ближнего.

Грех — клевета и осуждение.

Грех — срамословие, смирнословие, глумлые речи, кощунство и всякое гнилое слово.

Грех — ложь, хитрость, лукавство и лицемерие.

Грех — пьянство, обжорство и всякое неводержание.

Грех — воровство, хищение, ограбление, насилие и всякое несправедливое присвоение чуждого добра.

Грех — предуболевшие, любободение и всякая нечистота.

Словом, всякое законпреступление есть грех и зло, которое названо вреднее любого зла, причиняющего какой-нибудь вред нашему телу. Потому что такое зло только тело наше повреждает, а грех и тело и душу повреждает и умерщвляет.

Грех злее и самого демона, потому что и демона демоном сделал грех; он сначала был добрым и светлым ангелом, но грехом повредился и потемнел. Кто греха, как великого зла ныне не познает, и кто его не бережется, тот в будущем веке самым опытом и на практике узнает, сколь злое зло — грех, но это будет уже поздно и бесполезно. Поэтому в нынешнем веке надо это зло познавать и беречься от него.

Христе, Свете истинный, просветивший слепых, просвети и наша сердечная очи, да познаем грех и уклонимся от греха! Начало спасения — познать свое бедствие. Аминь.

Друг друга тяготы носите

Вы, наверное, замечали: бывает так, что вы устали и вам не хочется ввязываться в чью-нибудь жизнь. Встречаете вы кого-нибудь, спрашиваете: «Ну как сегодня?» И тот потухшим голосом, с мертвым выражением лица вам говорит: «Все хорошо». И вы не отвечаете; его слов достаточно, их-то вы и ждали, он вас освободил от необходимости брать его тяготу на себя, вы свободны...

«Друг друга тяготы носите» (Гал. 6, 2). Для того чтобы найти в себе это мужество, надо преодолеть многое. Первое — это сепаративный страх от того, что моя спокойная жизнь может вдруг стать беспокойной, что мое благополучие может заколебаться, что свет может померкнуть, что радость может затмиться. Мы всегда о себе думаем и за себя переживаем, будто мы — центр нашей собственной жизни, да и жизни других. Помните притчу Христову о добром самарянине? За-

конщик спрашивает Христа: кто же мой ближний?.. Он чувствует, что центр он сам и оглядывается вокруг: кто ближний? Христос ему отвечает: ты ближний тому, кто в тебе нуждается; он — центр. Ты призван войти в его нужду... Вот этого мы не умеем делать, не умеем осознать, что не я в центре, что всякий человек, который около меня — и ближний, и дальний, и встречный, и поперечный — имеет свою поминку, законченную судьбу, и на дая Бога так же дорог, как Бога он значат так же много, как и я; и если бы меня вообще не было, этот человек был бы таким же значительным в глазах Божиих. Я могу быть случайным обстоятельством в его жизни — или проходящим, или добрым, или злым; но этот человек существует сам по себе перед Богом, он — не часть моей жизни, не обстоятельство в моей жизни, он — человек. Он призван Богом жить, Его познать и достигнуть той полноты, которая есть в одном Боге; призван войти в Царство Божие.

Митрополит Антоний Сурожский

Монашество есть блаженство, какое только возможно для человека на земле. Выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство — на Небе, в будущей жизни, но нижняя ступень его уже на земле, в той жизни оно только продолжается.

Иноечество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно. Это не так понятно человеку только вступающему на этот путь — практика нужна. Передаю вам огромная завеса, и она начинается с нижнего уголка чуть-чуть приподнимается. Вся мудрость земная, которая, правда, имеет некоторый смысл и цель, главным образом для доставления удобства в земной, плотской, жизни, по сравнению с иночеством есть копейка по сравнению с миллиардом рублей.

Святой апостол Павел пишет, что в будущей жизни будут различной степени блаженства: «Ина слава сонныи, и ина слава бже, и ина слава зрэдъа: зрэдъа бо от зрэдъи разнствует во славе». Этим степеней неисчислимо количество, и инокам принадлежат первая. А схиомонахи, конечно достойно своего звания живущие, будут в числе серафимов. Вот как велико назначение инока!

Краугольный камень иноческого жития есть смирение и послушание. Можно приобрести различные добродетели, особенно в телесном отношении, но если есть гордость — все пропало.

Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть «невидимое восхождение». Подобно тому как человек не замечает, как он растет, как из маленького мальчика становится взрослым, так и духовный рост человека идет совершенно незаметно для него. И этот невидимый духовный рост человека и есть самоукорение. Самооправдание не монашеское дело. Мне так в свое время и великий старец батюшка Анатолий говорил: «Никакога не оправдаёис».

«Не несут свой крест, и Вы несете свой крестик, хоть и одиан пальчиком, а все-таки несете».

МОНАШЕСТВО - ЭТО ТАЙНА ВОЖИЯ

Из наставлений преподобного Варсонофия, старца Оптинского

Несение креста потребно для спасения всякому христианину, а не только монаху. На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних есть легкий и благой, а с другой — он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен — для тех, кто вступает на него без внутреннего расположения или же из-за каких-то иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу «в духе и истине», он легок. Правда, бывают скорби, но это — облачка на чистом лучезарном небе.

Научитесь смирению и терпению, а в душе имейте мир. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай... И отцы Макарий, Амаросий и Моисей и все наши старцы всегда говорили: «Смиряться, смиряться!» Подобно тому как Иоанн Богослов под конец своей жизни толково и говорил: «Чада, любите друг друга, так и наши старцы твердили: смиряться. А то вот многие на Небо лезут, позвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Да, я скажу Вам, брат Николай, — не хотят смиряться. Это — язва современного монашества».

Вход в рай, в вечное блаженство, открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и Искушительной Жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. Прежде всего это совершается через Таинство крещения, коим омывается первоначальный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной благодати Господа Иисуса Христа, которую мы и вводим в жизнь вечную, в наши добрые дела, то есть совершение евангельских заповедей, нужны только как доказательство нашей любви ко Господу. А если бы

вход в рай открывался не заслугами Спасителя, то тогда могли бы войти в него язычники, магометане, иудеи и прочие. Поэтому мы должны надеяться не на свои дела, а на милосердие Божие.

Пустыня, затвор не очищают нас. Я в пустыне со своими страстями могу жить и не грешить по видимому. Нам нельзя нам познать всю немощь свою, свои пороки, раздражение, осуждение, злобу и др. А здесь нас очищают — как начнут «цшиговать», только держись, мы и будем познать свои немощи и смиряться. Здесь без вашей просьбы начнут вас чистить. Когда только постушавше, все кажутся ангелами, а потом начнешь видеть пороки, и чем дальше, тем больше; с этим надо бороться.

Дух надо держать. Дух животворит, буква умерщвляет. Если видеть в монашестве одну форму, то жить не только тяжело, но ужасно. Держитесь духа. Внешнее, так называемое «клобуковое» монашество, приобрести легко, как святой Иоанн Лествичник пишет: «Сделать внешнего монаха легко, но трудно сделать внутреннего монахом». И об этом-то внутреннем монашестве теперь так редко говорят, почти не имеют никакого понятия... Не все монашество заключается в подражании да каше. Оно внешнее не принесет никакой пользы. Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения — светить. Пожалуй, ее кто-либо и толкает, и разобьет в темноте. Чего же недостает? Огонь! Правда, необходим и фитиль, и керосин, но раз нет огня, если она не зажжена, то не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве. Необходим внутренний огонек. Отец Анатолий говорил, что монашество есть сокровенный сердца человек.

Но сначала нужно упрякнуться во внешнем монашестве, перешагнуть его, а приступать сразу ко внутреннему нельзя — нужно потерпеть всякие скорби, унижения и соблабна и внутри себя, от диавола, и совне, от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое... Середина монашеского пути очень трудна, она есть даже самая трудная часть монашеского пути, ибо в начале пути, конечно, помогает и утешает Божия благоволя. А середина — это самый зло...

Монах не должен быть боязлив, труслив, а должен возматать наекаву на Бога. Почему Бог не любит боязливых и трусливых? Потому, что они близки к унынию и отчаянию, а это — смертные грехи; боязливый и трус — на краю пропасти. Истинный монах должен быть чужд такого устроения. Диавол вам не даст сделать ни одного шагу, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при построении храма в одной руке держали заступ, а в другой — меч. Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, мы должны исполнять евангельские заповеди, а с другой — отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

— Батюшка, как же я должен отбиваться, какой это меч?

— А у нас один меч — молитва Иисусова. Сказано: «Без этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле; и имени Иисусове всяко колело поклонится небесных и земных и преисподних, и всяк язык исповест, яко Господь Иисус Христос».

Теперь реко с кем из монахов можно поговорить о Боге, о вечной жизни. Так, простой, обыкновенный разговор... Когда кто пустоשובит, тогда он не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия — молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная жизнь — цель монашества. Сказано: «внемли себе». Молчанье, без

которого никак нельзя жить, есть подвиг. Молчанье есть тайна будущей века. Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни.

Лишние, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути это — прямая погубель. Надо твердо идти по пути, куда не сворачивать, не служить чужим и вашим. Это мне батюшка говорил и объяснял ослабление монашества ослаблением и развратом жизни в миру, ибо естественно, что слабый мир дает и слабых монахов.

Епископ Игнатий говорит: «То, что святые отцы древних времен относят к новоначальным, теперь может относиться только к значительно преуспевающим инокам». Монашество уклонилось от своего шела. Однако диаволу и оно не очень нравится, коли он так восстает против современного монашества. Монашеством держится весь мир. Когда монашество не будет, то наступит Страшный суд.

Монахи — это битые черепки. Монаха все бьют: и бесы, и мирские люди. От всех он постоянно терпит унижения и унижения. Бьют его, и остаются от него одни битые черепки... А Господь возьмет их да и склеит, только это происходит не здесь, а там... (батюшка указал рукой на небо).

Жизнь всякого человека, а в особенности монаха, идет по некоему таинственному плану: все в ней целесообразно и премудро. Если всякий человек будет следовать за своей жизнью, и в особенности монах, то он увидит, что его жизнь есть

сплошное чудо. Проникать во внутрененный смысл событий мы своей силой не можем — это дар свыше, из себя здесь получить ничего нельзя. Если Вы будете идти этим путем, то есть вникать в смысл событий жизни при занятии молитвой Иисусовой, то «больша сих узрите, как сказал Господь Нафану».

Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не развлекаясь помыслами. Но при такой внимательной неразвлеканной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли развлеканы, нет в них согласия. Вторая молитва, второй дар — это внутренняя молитва, когда уже ум и сердце соединены, то есть когда мысли и чувства в согласии направлены к Богу.

Кто трудится в молитвенном подвиге, тот несомненно ощущает в себе движение страстей, но в человеке, достигшем внутренней молитвы, страсть подобна покойнику — она уже не может вальстительски терзать его, и, чем молитва более утверждается в сердце подвижника, тем все тише и тише действуют страсти, они как бы спят.

Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать: здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, он еще живет на земле, по земле ходит, сидит, ест, а умом и мыслями он весь в Боге, на Небесах. Некоторым даже открывались служения ангельских чинов. Эта молитва — молитва внижения. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например, состояние души человека, так, как мы видим чувственные предметы — как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух. Постоянно ли они находятся в внижении или по временам — не знаю. Они не говорят о том, что видят, реко открывают другим свои видения. Молиться о дарах молитвы внимательно можно, но молиться о дарах или высоких молитвенных состояний я предлагаю погрешительно. Это надо всецело предоставить Богу.

Дневник послушника Николая Белова (преподобного Оптинского старца Николая), М., 2004.

Впервые я увидел отца Виталия при следующих обстоятельствах. В то время я жил в Троице-Сергиевой Лавре. В 1972 году, когда у меня был отпуск¹, я приехал в Сухуми на второй день Успения. В Сухумском кафедральном соборе шло погребение. В храме были многие мои знакомые пустынники. Ко мне подошел отец Кассиан и стал звать в пустыню² – спасаться вместе. Я смутился. Ранее я слышал о пустынных отцах старца иеродиакона Исаакия: тот нам рассказывал о том, как они живут, как подвизаются. Я расположился сердцем к такому житию, и у меня всегда было тяготение к пустыне, я стремился встретиться с абхазскими пустынножителями, желал прийти к ним... Но я был монахом Троице-Сергиевой Лавры. Отец Виталий увидел, как мы разговариваем, провидел, наверное, мое состояние – подошел к нам и говорит: «Отец Кассиан, отстань. Что ты пристаешь к отцу Рафаилу? Он человек подневольный: он имеет игумена, имеет духовника, старца... Что ты к нему пристаешь?» Когда пошел крестный ход, отец Виталий взял икону Успения Божией Матери, подал мне и велел идти первому. Я был как на небе! Я шел крестным ходом с иконой Матери Божией да еще с пустынножителями! Это было великое утешение. И я до сих пор так благодарен за него отцу Виталию!.. Впоследствии отец Виталий [за что я был ему очень признателен] еще не раз «выручал» меня от отца Кассиана, который настоятельно предлагал мне отправиться с ним в пустыню. Сердце мое с благодарностью и любовью расположилось к такому мягкому, такому смиренному, такому прекрасному отцу Виталию...

Потом, будучи в поездке с моим духовным отцом, иеромонахом Кириллом (Павловым)³, в Москве

¹ Монахи Троице-Сергиевой Лавры имеют право на ежегодный «отпуск» – свободное от послушания время, в которое, по благословению духовника, можно отлучиться из обители (прим. ред.).

² Здесь и далее под словом «пустыня» отец Рафаил подразумевает горы Кавказа, в которых надлежит подвизались монахи-отшельники (прим. ред.).

³ Ныне – старец Троице-Сергиевой Лавры архимандрит Кирилл (Павлов) (прим. ред.).

ЧЕЛОВЕК БОЖИИ

Блаженной памяти
схиархимандрита
Виталия посвящается

Беседа 22
Из воспоминаний
иеросхим. Рафаила (Б.)

я снова увидел отца Виталия. Мы встретились, и отец Кирилл сказал мне тогда про него: «Это – великий подвижник, кавказский пустыльник, благодатнейший человек!» Я вспомнил, что видел его в

Сухуми, и еще больше возмел желание познакомиться с ним поближе. Потом отец Кирилл рассказал мне о духовнике отца Виталия – митрополите Зиновии. Как-то снова удалось поехать в Грузию – отец Кирилл меня благословил и отпустил. Я помню, меня поразило то, как отец Виталий (он к тому времени был уже священником) благоговейно относился к своему духовнику – Владыке. Я-то к моему старику – отцу Кириллу – был неблагоговейным, не считал его старцем благодатным, думал: «Ну, хороший духовник, хороший батюшка. Мне повезло с ним», – и всё. А тут я увидел, что отец Виталий со своим духовником говорил не иначе,

как на коленках! С такой любовью и с таким благоговением!..

Когда я видел отца Виталия, то старался примечать все, что он делает, как ведет себя, общается с людьми, молится... Он был высоким, стройным, с лицом ангела, всегда радостным, всегда смиренно улыбающимся. Фотография на обложке книги «О жизни схиархимандрита Виталия» очень точно отражает его сущность: скромность, и улыбка, и благодать, которые светятся его на лице. Лишь однажды его увидел, невозможно было его не полюбить, потому что он был духовно прекрасен.

Я любилodal за ним всегда. Вот он – служажий священник храма Александра Невского в Тбилиси. Вот он встречается с людьми, кланяется каждому человеку, каждому – земной поклоном! Сколько же он в жизни сделал поклонов? Подходит старушка – кланяется ей: «Здравствуй. Благослови, матушка». Подходит девочка – кланяется и девочке, и ей говорит: «Благослови, матушка». Она смущается, а он благословляет ее, и целует ее ручки, и требует благословения!.. Я удивлялся его смирению. Поначалу я его испытывал – сомневался: может, он лицемерный, может, двуличный? Нет, Виталия был искренним во всем, очень смиренным, глубоким человеком, очень благодатным. И в дальнейшем и я сам так думал, и другим, когда случалось, говорил: «Отец Виталий – это Божий избранный». – Господь вел его с самого рождения.

Будучи еще ребенком, он уже имел многие благодатные дары. Однажды он воскресил бычка – сам отец Виталий рассказал мне этот случай. Мимо их дома ехал на возу, запряженном бычком, один мужчина. Виталик смотрел в окошечко (он тогда еще был мальчишкой). Вдруг бычок пал и сдох. Мужчина просит: «Люди добрые, помогите мне!» – надо было зарезать бычка, обработать, засолить мясо, нужна была лошадь – донести воз. Люди толпятся, суетятся: кто с мужичиной разговаривает, кто пошел в сельсовет... Виталик выбежал, помолдился и говорит: «А бычок жив, он не умер! Бычок спит!» Все смеются, говорят: «Вот малыш! Не понимает!» Тогда Виталик берет бычка за хвост: «Ну, вставай, вставай!

Хватит лежать!» – и бычок встал. Вот такой удивительный был случай... Еще отец Виталий рассказывал мне, как он доставал трактор, как исцелял некоторых больных, бесноватых...

Это все говорит о том, что он сохранил благодать крещения. Отец Виталий был не из тех святых, которые, прожив жизнь, впадают в грехи, потом через покаяние, очищение и борьбу с самими собой приходят к монашескому житию, искали духовности. Он сразу был предуготовлен от Бога. И он вошел в эту борьбу полный смирения и великой ревности.

Повзрослев, он стал стараться скрывать свои дарования по великому смирению. Как он подвизался, будучи в монастыре! Как он нес послушание и смирился перед братией в пустыне! Допустим, будучи трапезником, разосил кашу в мисках. Раз споткнулся, упал – и каша из миски вывалилась на грязный пол. Он ее рукой собрал обратно в миску, а братия его отругали: «Ах ты, косолепый!.. Такой!.. Эдакий!.. Кашу измазал! Мы не будем это есть!» А он: «Ничего-ничего. Это я сам скушаю», – и приносил новую миску, а из той все съел. Потом он стал специально спотыкаться и ронять миски, чтобы смирить себя через братию. Он всегда «вызывал огонь на себя» – терпел постоянные поругания, пил их, как воду живую. И возрастал до необычайной духовной высоты.

Однажды отец Виталий рассказывал мне случай, бывший с одним подвижником. Один молодой монах-пустыльник подвизался в пещере. Он молился и вычитывал службу по большим кожаным книгам. Имел он такую чистоту сердечную, что Фаворский свет освещал пещеру и ангел Божий держал книгу, а подвижник только листал. Но вот враг рода человеческого, диавол, решил искутить подвижника. Когда недалеко от его пещеры одна местная девушка пасла коз, враг навел сильнейшую грозу. Лид страшный ливень, сверкали молнии, ревел ветер, крутом падали огромные деревья, раздавались мощные удары грома... Девушка металась, искала, где бы ей спрятаться от этой ужасной грозы и увидела пещерку. Когда она вбежала туда, то не увидела ни монаха,

ни ангела, ни Фаворского света. Но монах услышал, что кто-то вошел. Враг ему шепнул: «Взгляни!» – он посмотрел и увидел некую, прекрасную девушку. И его пронзил один нечистый помысел. Только один!... – и падает книга, и гаснет Фаворский свет! Заплакал монах, зарыдал! И был в великом покаянии и в плаче...⁴

Я знаю, что он боролся как монах со всеми своими страстями очень сильно, с великим, глубоким смирением. И искал этого смирения. Я сам лично видел, как один близкий Батюшка человек бил его по щекам. Я, когда впервые увидел, то ужаснулся, мне было стыдно и неудобно, а отец Виталий смеялся. Я заметил, что в первый момент он смутился немного – на долю секунды, но тут же победил себя, засмеялся и говорит: «Отец Рафаил, посмотри, как отцу Виталию достается!» – и подставил другую щеку. Получил и в эту... А я даже весь сжался: так мне было стыдно, неудобно, неприятно наблюдать эту сцену...

Сейчас я постигаю: Батюшка пил поругания, как воду живую. Это был настоящий подвижник!.. Такой духовной силой!.. Он совершенно победил в себе гордость, самозлобие, достиг глубокого, истинного смирения. Это великий безстрастный человек, святой человек – отец Виталий. Я это видел и об этом свидетельствую.

Батюшка искал подвига и находил его себе везде – как в горах в пустыне, так и в городе. Например, он был болен, болен почти постоянно – и все равно весь в заботах, не оставлял их ни на минуту, все

⁴ Не случайно Батюшка привел этот пример, давая тем самым уразуметь, в чем состоит суть духовной борьбы. Можно удалиться от мира, совершить множество подвигов, сподобиться видения Фаворского света и лицемерия ангелов, но не устоять при малейшем искушении... Как тут не вспомнить известный случай из жизни преподобного Антония Великого. По Божественному Промыслу как-то раз святому были показаны все ости диавольские, распростертые поверх земли. Преподобный, увидев это, вздохнул и сказал: «Грех роду человеческому! Кто возмужает осведомиться от этих сетей?» И был ему ответ: «Смирнеумудрие спасает от них, и они не могут даже прикоснуться к нему». (прим. ред.)

время что-то делал. Он был очень щедрым, любвеобильным. Помню, приедешь к отцу Виталию – он: «Садись, садись, Рафаил. Садись сюда» – усадит меня на стул, на кровать или диван⁵, а сам садится на пол. Я тоже сажусь с ним на пол, а он: «Нет-нет, Батюшка», – и обязательно меня обратно посадит.

Он был очень кротким и смиренным, но это не мешало ему врачевать наши немощи и грехи. Как-то я приехал к нему с одним братом – иеродиаконном. Кроме нас у Батюшки в гостях были тогда еще и другие люди. Сидим мы все вместе, и отец Виталий начинает намеками обличать, кто какие имеет слабости. И каждый человек узнает себя: «Ой, Батюшка – это про меня!» А он: «Нет, я про себя. Я свои грехи исповедываю». Но каждый узнавал свое. Про иеродиакона Батюшка сказал: «Я бегая, бегая без благословения в город! Я вырываю! Ем колбасу! Мисо ем!» Диакон: «Все рассказал про меня! Ай-ай-ай!» Батюшка: «Да нет же – я про себя! Я ведь столько пью! Посмотри, вот посмотри там, за стеной столько бутылок – это все я выпил! Правда!» Потом досталось и мне: «...Я такой сластен! Люблю кушать сладенькое, и пить все сладенькое. И обижаясь». Я говорю: «Отец Виталий, это в мой огород камни летят». Он: «Отец Рафаил, какой там огород?! Какие камни?! Я про себя говорю!» Он тогда всех «по косточкам» разобрал, показал все слабости, все немощи. Такой святой, такой прозорливый!

Но такой был смиренный! – когда я кому-то рассказывал о нем, рассказывал его, он так прозревал и потом делал мне замечание: «Что ж ты творишь? Ты будешь доволен, если я упаду?». Это было необыкновенно чистый, святой человек. Недаром уже сейчас его духовные чад стали говорить: «Преподобие отец Виталие, моли Бога о нас!»

Однажды (я жил тогда уже в пустыне) наш духовник, отец Паисий, послал меня с одним послушником к Батюшке, чтобы испросить послушнику благословение на постриг: Но отец Виталий бла-

⁵ Отец Виталий священников и будущих священников старался никогда не сажать на пол из уважения к сану (прим. ред.)

говосил с этим вопросом идти к Святейшему Патриарху Или, потому что у послушника была проблема: он был женат и не разведен. Святейший сказал: «Мы не можем Вас постричь, так как нужно или развестись, или иметь согласие супруги на Ваш постриг в монашество». Послушник ответил: «Я не имею письма, но в Вам честно говорю, Ваше Святейшество, что она меня отпустила, и я живу в пустыне уже много лет». Но Святейший не соглашался. Тогда я стал ходатайствовать за послушника: «Ваше Святейшество, он прекрасно пост, хороший устояник – знает устав. И он не сам по себе живет: им руководит отец Пансий». Тогда Святейший согласился и благословил его на монашество. Мы вышли счастливые, радостные, пришли к отцу Виталию, а тот сразу взял меня за руку и говорит: «Ты будешь его воспитателем!» Я не хотел: «Отец Виталий, я не священник!» А он: «Ну и что.

Придет время – и ты будешь священником, и он будет священником. И у него будут духовные дети, и у тебя будут духовные чада. И его дети будут твоими духовными «внуками!» Вот так. Тогда я взял послушника за руку и зажал крепко, зная, что он не будет слушаться, что в послушании он хромает. А отец Виталий провидел это и говорит: «Отец Рафаил, почему ты так крепко взял его руку?» Я отвечаю: «Я боюсь, что он не будет слушаться. Он хромает в послушании. Поэтому мистически я взял его крепко, чтобы он был послушным, и чтоб мы им хорошо управлять». Отец Виталий говорит: «Будет искушения. Но он будет слушаться...» Тогда я был недоволен решением отца Виталия, но ослабил свою руку. Батюшка сказал мне: «Не бойся: ты будешь земным его духовником, а я буду небесным». И он постриг послушника в монахи. Сейчас тот человек, как и предсказывал отец Виталий, уже иеромонах. Одно время были у него трудности: будучи в монасты-

ре, начал выпивать. Я ему говорил, делал упреки и настаивал, но все было напрасно. Я за него сильно переживал, но потом меня благословили переходить в другое место, а его за очередную провинность отец игумен отругал, хотел совсем выгнать, но потом все-таки смягчилось... И вот через длительный период времени, когда мы вновь встретились, тот монах мне рассказывает: «Отец Рафаил, приснился мне отец Виталий: будто тащил он меня на себе и весь испотел», – а монах был очень полным, можно даже сказать – толстым.

Господь рек: «Не да твою волю Мою, но волю Пославшего Мя Отца», – и нам надо бороться со своеволием. Сей грех из Ангела – диавола сделал, святого Адама из рая изгнал, апостола Иуду в огонь посадил, смерть и страдание породил. Надо бороться с ним.

Из письма старца иеромонаха Виталия

«Ой, ну и тяжело мне тебя тащить!» – сказал ему отец Виталий во сне. И тот постепенно стал исправиться – видимо, молитвы Батюшки о нем на Небе помогли, не зря же отец Виталий мне сказал, что он будет небесным его духовником. И монах, слава Богу, исправился.

...Когда я, будучи еще в пустыне, приходил к отцу Виталию с гор, он меня исповедывал. Как-то сказал мне: «Скажи всем пустынным, что я слышу все ваши просьбы. Вы каждый вечер мне говорите: «Вот, отец Виталий, я согрешил тем, тем...» Вот я уснул – прости, Батюшка... Вот я осуждал, роптал, что отец Пансий долго не идет... Я унывал...», – еще там что-то...». Т.е. и пустынники, и пустыннозцы – все ему говорили свои исповеди – и он все слышал, и разрешал. Отец Виталий многих вот так исповедывал – на расстоянии. Разрешал также и грехи, которые ему передавали в записках. Допустим, я исповедывался – он на моей голове разрешал очень много людей: всех-всех пустынников помню,

еще записки прочитал – и всем отпустил грехи в разрешительной молитве. Его прозорливость – это что-то поразительное!

Отец Виталий мне в пустыню присылал письма. Мы их принимали с такой радостью, как будто ласково-благостенника от старца! Он присылал утешения, наидания, и чувствовалась его прозорливость, чувствовалось, что он видел, в каком я состоянии в тот или иной момент находился.

Я очень любил отца Виталия, и он называл меня: «Ласковый телеценок двух маток сосет», – т.е. я был чадом отца Кирилла, но окормлялся и у Батюшки. И я почему-то надеюсь, что он за меня и на Небе молится.

Помню, я сильно согрешил. Это было в 91-м году. Когда я все осознал, то очень расстроился и поехал исповедаться к отцу Виталию. Говорю: «Отец Виталий, прости, согрешил! Мне надо поисповедать Вас, покаяться». Батюшка взял епитрахиль и начал исповедать. И после моей исповеди он долго-долго надо мной молился. Я думаю: «Что это за молитвы?» Вроде бы я все молитвы хорошо знаю. И чувствую: с меня будто камни снимаются – все легче, легче, легче... И когда он прочитал разрешительную молитву, я почувствовал себя ребенком – чисто дитем! Духовная невинность, состояние младенца! Он все грехи мои простил, всего меня омыл, обновил меня духом. Удивленный уехал я от него и по приезде рассказал все отцу Кириллу. Так отец Виталий молился...

Последний раз я выдвинулся с Батюшкой в 1992 году...

Когда я пришел с пустыни и узнал, что отец Виталий умер, я так плакал!.. Рыдал! Потом меня привезли в Тбилиси, я пришел на могилку и тоже рыдал. А когда приехал на Дидубе, то мать Мария сказала, что многие, очень многие видят здесь отца Виталия – с крестом и улыбающегося. Он на порожке встречает людей, и благословляет, и улыбается, как и прежде...

Блаженной памяти схархимандрита Виталия посвящается

Человек Божий

арство Небесное, место покойное схархимандриту Виталию. Как всегда в этот день мы собрались на панихиду. Мы скорбим, что нет с нами Батюшки, который для многих был родным отцом, жил не ради себя — ради всех... Но в то же время мы радуемся, что он снова собрал всех нас вместе, чтобы мы здесь, на панихиде, помолились ко Господу о его упокоении. Как хорошо, когда множество душ воздыхают, желая ему Царства Небесного! Мы знаем по его жизни: он уже на земле был велик, был всегда пред Богом. И тем более, когда ушел в жизнь вечную — веруем, что там он постоянно находится с Господом.

Отец Виталий еще здесь, на земле, полностью возложил все свое упование на Господа, только Его святою волею жил, соделывая и свое спасение, и тех, кто с ним соприкасался. Удивительный был человек — человек Божий.

Когда мы только начали общаться с ним, то увидели простого батюшку — небольшого, в ламаном-переланном подрясничке, с беленьким иерейским крестиком. Всем кланяется, у всех берет благословение, всем радуется — и тем, кто живет рядом, и тем, кто приезжает к нему — всех встречает, всем делает земные поклоны. По-началу можно было подумать, что этот человек — Христа ради хорошиный. Но, пообщавшись с ним поближе, мы увидели, что такого в его жизни, и таким образом он старается и нас погудить, чтобы и мы перекатывались, каждого приветствовали лобзанием любви, словами «Христос посреде нас», всем помогали. Что-то поать, отнести, принести — Батюшка мгновенно делал то, что кому-то было нужно. Особенно когда схищумени Серафима говорила, что надо что-то выполнить, он (весь больной!) срывался с места и делал — старался вовсю, показывая, что и нам всем необходимо так поступать. Не только когда заставляют, дают послушание, а вот видим нужду — помочь человеку безо всяких слов — должны брать и делать.

Он был чрезвычайно отзывчив на чужое горе. Когда к нему приезжали больные раком, он очень жалел таких людей. Но в то же время и виду не показывал, что они скоро уйдут из этого мира, что ему их жалко — чтобы не огорчить, не «убить» их. Наоборот, старался подбодрить, утешить. Одна из тех матушек, которые постоянно жили при нем, матушка Клавдия, болела раком. И сколько же Батюшка входил в нее мужества и силы, что она свободно терпела свою болезнь и ждала конечного итога своей земной жизни!

*Слово просвященного Никона, епископа
Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде
по схархимандриту Виталию (Сигоренко)
30 ноября 2006 года*

Почему и как он стал таким? Нам трудно определить. Вероятно, Промыслом Божиим. Святые люди Богом избирались от материнского чрева или призывались позже через различные испытания, страдания. Схархимандрит Виталий был призван Богом для того, чтобы привести людей — через свое исключительное послушание, несение скорбей, физических болезней и страданий — ко спасению.

Когда мы приезжали к нему еще до операции, Батюшка старался, чтобы никто не заметил, что он испытывает сильнейшие физические страдания. Он и умбался, и с боку на бок перекачивался, пожебит, смеет — что только не делал, лишь бы не дать понять, как ему плохо. Потом, когда несколько раз увидел его в таком состоянии, я понял, какие он испытывает боли. Он принимал их от тех, кто к нему приезжал и просил: «Батюшка, помолись: у меня вот то-то, то-то», — в семье ли, с детьми или какая-то физическая болезнь. Они уезжали, через какое-то время возвращались и благодарили Батюшку, кланялись ему в ножки за то, что он исцелил. Но как он исцелял? Он брал их болезни, их страдания на себя. И никому никогда отец Виталий не пожаловался, что ему трудно. А мы все к нему приезжали и только говорили: «Батюшка, трудно!». Батюшка, нас обижает! Батюшка, то, то, то!». А он: «Помоги, Господи!»

Несмотря на то, что он был весь больной, отец Виталий никогда не говорил: «Этого мне кушать нельзя...», — ел все, что ему подавали. Никогда не выбирал продуктов. Ел от немногого и очень аккуратно. Как-то спрашивает нас:

— Зачем вам пологоние на колени кладут?

Один священник говорит:

— Чтобы подрясник не облить.

— Да нет — чтобы крошки хлеба не падали на землю!

Кладую крошечку найдет и скушает

Конечно, добраться до него, такого больного, людям было очень трудно. Очень многие, приехав на поезде, приходили в храм Александра Невского, ждали Батюшку, а он по состоянию здоровья не мог приехать. На Дядубе, где он большую часть времени находилась, к нему не допускали никого. А до того, как он поселился на Дядубе, отец Виталий ездил по квартирам. Из-за преследований его скрывали, так как у него не было паспорта. Потом Вадимка Зиновий благословил сделать паспорт: отца Виталия прописали, рукоположили, причем, очень быстро возвели в сан архимандрита. Когда он стоял на службе, то никогда не смотрел никому в глаза или по сторонам — всегда смотрел вниз. Однажды мы стояли с ним рядом на службе: Батюшка читал молитву, а я что-то рассматривал. Он на меня поглядел и говорит: «Нужно молитву читать...»

Отец Виталий каждого встречал, как Самого Господа. Кто хотя бы раз побывал у Батюшки, тот никогда не забудет его отношения к людям, его внутреннего сочувствия к тем проблемам, которые мы привозили ему. И это сочувствие как-то успокаивало нас, мы становились беззаботными и говорили: «О, хотел так много рассказать, пожаловаться, поплакаться — а, оказывается, у меня все прекрасно! Куда-то все ушло!» И удивлялись: «Ведь надо же: как с Батюшкой хорошо!» Он снимал с нас все то, что волновало, тревожило, печалило. Как он это делал? Он молился.

В Житиях святых есть такой рассказ: старец встретил людей во главе со священником, которые были в скорби. Он спросил их: — Что вы так скорбны?

Они отвечали ему:

— Да вот мы молимся, а дождя все нет — засуха!

— Не так вы молитесь. Вот как нужно молиться, — встал на колени, руки поднял к небу, попросил — и пошел дождь!

Такая же молитва была и у схархимандрита Виталия: стояло ему лишь воздохнуть к Господу — и Он исполнял его прошения. Как Батюшка молился!

Помню, койка для приезжающих священников стояла рядом с кроватью отца Виталия. Вот Батюшка вечером ляжет — и я ложусь. А надо сказать, что сон на Дядубе был прямо-таки ужасный: спавшись так, будто мы всю жизнь не спали — лег и тут же отключался! Ночью проснусь, посмотрю — Батюшки нет: ушел молиться. Повернусь, засну, через некоторое время снова просыпаюсь — опять его нет! А утром он бодрый, радостный, всех поднимает на молитву!.

Молитва там для нас была очень трудная: соберется человек 15, комната маленькая, свечи горят, дымота. На ушле тоже дышать нечем. И вот делаем

поклоны, друг другу мешаем — а куда деваться? Думаем: «Ну, ладно, потерпим дня 2-3, потом уже вырвемся из этой "тюрьмы"». Многие из тех, кто приезжал к Батюшке, решив с ним все свои вопросы, старались быстрее уехать: «Батюшка, благословите ехать домой! Батюшка, то и то дома надо сделать», — он их не мог никак удерживать, чтобы они поблизи с ним, посмотрели на его жизнь, поучались, как молиться, как слушаться... Приедем на 2-3 дня — и уезжаем.

Нет, чтобы немело пожить. Но что имели — не ценили, потеряли — глупцем. Как нужен сейчас такой человек как схархимандрит Виталий, который помог бы нам словом и поддержкой бы нас...

Улыбался Батюшка редко. Чаще всего, когда ему было больно. Шутить никогда не шутил. Он часто сам читал разные поучения святых, давал читать и другим. И бывало так, что хотя ранее мы это уже и читали, но у отца Виталия оно раскрывалось пред нами как-то по-другому. Мы удивлялись: как же раньше не заметили то, что сейчас было прочтено!

Трапезничал у Батюшки 2 раза в день. Готовили там простую пищу, но как все было вкусно! Думал: вот бы всю жизнь так питаться! Не вкушали на Дядубе ни мясных продуктов, ни молочных, иногда яички давали, кое-какая сметанка можно было в борщ положить — и все. Больше фрукты, фрукты, фрукты. И приходило понимание того, как люди жили в раю, питались плодами...

Нас удивляла пища телесная, но еще больше — духовная. Одержимые бесами у Батюшки молчали. 20 лет я ездил к нему (раз в месяц-полтора) и очень многих видел там духовно больных, и своих неудужных к нему привозил — и за это время я ни разу не заметил, чтобы хоть кто-то из них послал там что-то сказать — не то, чтобы закричать.

Отец Виталий был очень прост. Если бы сейчас он жил у нас и прошел бы мимо, никто никогда бы не подумал, что это цвет великий человек и угодник Божий...

Он был нищелюбивым. У него болела душа за каждого человека: и за пьяницу, и за белого, и за божика. Помню, когда он не был еще таким слабым, карманы его подрясника постоянно отвисали: кто только он не носил в них. И главное, что давал людям именно то, что им в данный момент было необходимо. Как-то сказал мне: «Посылаешь письмо — нужно послать то, что человеку нужно. Если пошлешь другое, он не поймет — и будет большая беда.» Батюшкина нестяжательность поражала. Я привозил ему гостиные, книги, вещи, немножко денег — он тут же все заворачивал в подарок и отдавал! Я как-то подумал: «Хоть бы не при мне, чтобы я не видел: ведь я привез

ему, а он все отпал! А отец Виталий тут же мне говорит: «Хорошо иметь 2 подяричника: один рабочий, другой на службу. Хорошо иметь в келье одну икону».

Батюшка учил нас: «Читать молитву никому нараспев: «Отче на-ви, Иже еси на небесех, да святити ся имя Твое», — и как бы пел ее на одной ноте. Учи, что поклоны, как поющиеся, так и земные, надо делать быстро. Говорил, что «леньвые поклоны» никому не нужны. Наставлял, как молиться, когда на молитвах делать поклоны. Спрашивал с нас строго, если варут кто-то не слушался или не слушал. Скажет, например, какой-нибудь сестре: «Иди, принеси то-то». Она пойдает — тут ее куда-нибудь отвлекут или мать Мария позвет. Потом сестра приходит — Батюшка ей: «Ты где была? Я куда тебя послала? Почему ты не слушаешься?» — он старался, чтобы все имели послушание. Сразу сказали — сделала!

Приезжал Батюшка и в нашу Липецкую область — в Бурдино. Чаяв только услышав, что отец Виталий приехал, сразу стремятся к нему. С ними приезжали и другие. И он всех соборовал, молился, поклоны клал, свечки катав восковые — большие такие. Перед каждой (!) иконой читал тропарь, поклоны делал. Потом все садятся на пол (там пол деревянный — хорошо на нем было, тепло) — и Батюшка начинает читать поучение. И все спят! Сидя. А он читает, словно все слушают... Он поступал, как тот старец, у которого спросил:

— Если человек в храме заснул — его разбудить?

— Нет, — был ответ, — я бы положил его на свои колени и уложил.

Отец Виталий радовался, что моли пришли, что они здесь еще и какую-то духовную пищу получают; а немощь человеческая — у кого ее нет?..

Когда Батюшка отправлял меня учиться в семинарию, бежал за самолетом! У него была шляпа — и чтобы не соскочила, он взял ее в руку. Бежит, размахивает ею и покаяывает мне: мол, туда, туда обращайся — на небо.

Помню, в Тбилиси: едем мы в Александро-Невский храм, а отец Виталий остается дома, дает сестрам деньги: «Вот тебе 3 рубля. Тебе 2 рубля. Поставьте свечки, закажите молебен, Матери Божией «Скоропослушнице», Иверской», — скажет, что надо сделать. Они приезжают из храма — бух в ноги: «Батюшка, прости! Я как ехала на правые, так и забыла, какой иконе ставить свечку! Ну, Батюшка, что это со мной?» А он говорит: «Потому что невнимательно слушала. Где был твой разум, когда я говорил? Ну ладно, в следующий раз поставишь».

А когда отец Виталий сам приезжал в храм, радость была всей округе, полный храм верующих! Все старались в тот день, когда он служил, причаститься. И все — к нему за благословением: и русскоязычное население, которого в Грузии было много, и грузины его очень любили. Идет Батюшка от храма к Владыке в келью — толпа. Оттуда — снова толпа.

Зачастую он не служил (опасался из-за сильного головокружения уласть с Чашей), но выходил на исповедь, которая у него была какая-то неземная. Сам

стоит на коленях, говорит о себе: «Я вот такой! такой-то! такой!», — половина храма не слышит, что он проносит, но все стоят на коленях и все с ним плачут.

А как он благославлял! Однажды я слышала, как отец Виталий говорил при мне отцу Николаю: «Благословение нужно давать несчасть, возлагая руку на голову, на руки и на плечи. Если люди не знают, как надо руки сложить, ты покажи им». У Батюшки все было четко и правильно. Он так истово крестился, накладывал на себя крест, что у него дырки образовывались на подяричнике. На местах, где рука прикасалась к подяричику, он был шипованный-перешипованный.

Батюшка Виталий никому никогда ничего не доказывал. Он сказал — и все: хочешь — примиай его слова, не хочешь — не примиай. Если же мы, как обычно, старались исполнить свою волю и говорили, к примеру: — Батюшка, благословение отправляйтесь домой на третий день?

Он отвечал:

— Может быть, на четвертый? Билет сейчас на самолет трудно достать.

Мы противоречили:

— Батюшка, на третий день, у меня там служба!

— Ну, как хочешь — и это «как хочешь» — самое тяжкое: уже не воля Божия, не молитвы отца будут с нами, а своя воля. А она может привести и к печальным последствиям.

Много уже написано об отце Виталии, много сказано. Его жизнь сейчас все более открывается тем, которые ранее не знали Батюшку — через духовную литературу, через его фотографии. Год от года количество таких людей увеличивается. Многие призывают его себе в помощь. И я вам скажу, что если уж он, когда был на земле, к каждому шел и помогал — тем более сейчас. Мы твердо верим, что он имеет великое дерзновение пред Богом, что он у Престола Божия. И, значит, он может помочь во всяких недоуменных вопросах и проблемах нашей жизни.

В этот день я хотел призвать вас просить у схииеромарита Виталия себе помощь. Возьме — ште ли вы на службу, находится ли в храме, трудитесь ли, учитесь — просите: «Батюшка, благослови!» На все берите благословение — и вы увидите помощь. Он обязательно всегда будет с вами, потому что когда я еще служил на приходе, он говорил: «Отец Никон, у меня свечка за тебя всегда горит». Когда я переехал в Акатов монастырь, потом в Рождество-Богородицкий, он опять же говорил: «У меня свечка горит за твой монастырь, за всех вас», — т.е. за всех насельников, которые находятся в монастыре. И поэтому тем более — сейчас, когда Батюшка на небе: какая свеча горит за нас все!»

А мы его помним, благодарим за то, что он был, за то, сколько он сделал нам добра. И прошу вас все: не забывайте в своих молитвах тех владык и отцов, которые своей жизнью и страданиями явили нам образец покаяния, испросил нам у Господа время на исправление, на то, чтобы жить нам еще в этом бренном мире, заботясь о главном — о спасении душ наших. Аминь.

Христианам о христианстве

из бесед с кавказским пустынноиком

О СОВРЕМЕННОМ МОНАШЕСТВЕ

Часть 5

Вопрос: Известно, что всегда, во все времена, монахи искали тишины и безмолвия: избирали для жительства горы, леса и пустыни. Ведь внутренняя работа над собой связана с тишиной. Как ни считаешь Патерики или Жития Святых – преподобные отцы почти все были из отшельников или из безмолвников. Поэтому совершенно естественно воспринимать, что монах должен быть отрешен от суеты. А послушая Вас, складывается впечатление, что это не так... Тогда не ясен вопрос: кто такой монах и что такое монашество?

Ответ: Я имею в виду то, что во всяком случае должно стремиться исполнять волю Божию. Именно это является целью монашеской жизни. Аудниение – только одно из средств для достижения этой цели. Всякий монах должен взять ориентир на полное предание себя в волю Божию еще прежде принятия монашества, и тем более держаться его, если он уже вступил на путь иночества.

Но на практике, к сожалению, у многих так не получается. «Иные вези судьбами устрой мое спасение», – читаем мы в молитве третьюго часа... а сами зачастую планируем себе «судьбу» своего спасения.

Вопрос: Как это?

Ответ: Если попытаться сказать обобщенно, то все монашеские разделения на две категории. Одни в монашеском житии начинают искать покоя и земных благ в «теплом месте» (бывают и такие случаи, но не о них у нас сейчас речь). А другие стараются исправиться, очиститься от страстей, приобрести любовь к Богу и ближним, и, лишая себя утешений

земных, чают сподобиться Божественных. И вот, когда они вступают на этот путь борьбы с плотью, миром и дьяволом, у них возникает масса недоумений и смущений. Однако, не имея духовного образа

мыслей и пониманий, они зачастую делают серьезную ошибку – в своих неудачах и поражениях начинают обвинять не себя, а условия, в которых находятся. Им кажется (при «помощи» лукавого советника), что если бы они находились в других условиях, да еще с благодатным старцем, то они бы очень быстро исправились и достигли безстрастия. А поскольку этого нет, то и бороться против своего грехолюбия, против своей плоти, мира и дьявола им бесполезно. И, приняв такое дьявольское внушение за «чистую монету», предаются апатии, лениности, нерадению и прочим страстям. Тогда вполне могут прийти помыслы: «Я здесь (в этом месте) не спасаюсь». Хотя, по

большому счету, сказать «я не спасаюсь» – опрочетчиво, дерзновенно и весьма небезопасно. Потому что мы, таким образом, произведем суд – судим спасающий Промысел Божий, что якобы Господь не заботится о нашем спасении.

Вопрос: Да, Промысел-то меня спасает, но только сам я никак не могу отстать от своих страстей: «Хочу, чтобы мне карету золотую сделали... и чтобы она везла меня по этой жизни... и, в конечном итоге, в Царство Божие привезла», – ну, это образно говоря. Вот и получается, что «не спасаюсь».

Ответ: В том-то все и дело. Если человек возлюбил страсти и в них пребывает, кто ему виноват? Условия? Такому везде будет плохо. Потому что страсти везде одни и те же и бесы одни и те же. А потому единственный выход здесь – нужно искренно в своем грехолюбии каяться, искренне укоряя себя: «От дел моих несть мне спасения!», и стараться исправляться.

Существует общее правило, как должен монах себя вести в монастыре и при каких условиях он может из обители уходить. Но случаи реальной «неспасительности» очень редки. А в основном все зависит от того, насколько монах работает над собой. Если он внимателен к себе, очищает себя от страстей и стремится исполнять волю Божию, заповеди Божии, то Господь ему будет помогать и посылать все то, что способствует его духовному очищению и возрастанию. В этом не может быть никакого сомнения. А если человек впал в леность, нерадение, осуждение «всех и вся», самознижение или осуждение (такое, какое он уже сам возлюбил), то Господь

будет посылать такому какне-то скорбя, чтобы его отрезвить.

Вопрос: А если монах реально видит, что он не спасается в окружающей его среде? Как ему быть? Бежать?

Ответ: Нужно еще в этом его выводе разобраться – посоветоваться с кем-то. Нужно усилить молитву и искать от духовного наставника вразумления: в самом ли деле все обстоит именно так, как он видит. Если он будет искрено стремиться ко спасению, и возопиет ко Господу, то Господь как-то вразумит и обязательно поможет.

Но, как показывает опыт, к душевспасительному единению способны весьма немногие. А вот кратковременное единение полезно почти всем. И потому в этом деле нужно понять вот что: если мы признаем, что единение нам было бы весьма благотворно и спасительно, то нужно постараться объединиться на краткое время в тех обстоятельствах, в которых мы сейчас находимся. Пусть это будет 10-15 минут, в течение которых мы будем заливать всю свою душу пред Господом. [Некоторые это делали даже в советской армии, в казарме на кровати под одеялом]. И если Господь увидит нашу способность к большему единению, то, конечно, Он устроит Своим Промыслом «вся яже на потребу». Поэтому просто необходимо предать образ своего спасения Господу.

А кто хочет спасаться сам, тот часто смущается, когда Господь ставит его перед таким делом, которое он «не включил» в свой план «самоспасения»...

Вопрос: То есть, он считает это дело душевредным, а Господь – спасительным?..

Ответ: Вот именно. Человек начертил себе план: «Я должен спасаться так-то и так-то». И если этот его план не исполняется, он говорит, что «я не спасаюсь». Понимаете?

Часто бывает так: современный «восторженно развитый» человек вдруг обращается к вере в Бога... Но поскольку вся область Божественного остается для него пока таинственной и непонятной, он неосознанно начинает заполнять возник-

шую «пустоту» своими образами и представлениями – конечно же, самыми прекраснейшими. Фантастическая изобретательность касается всего: что должен представлять собой Рай, какими должны быть Святые, какими – бесы, что собой должен представлять монастырь, что – Церковь Христова, что собой представляет путь спасения вообще и

...постигает власи слъви о значимости ситуацийъ мира и всея же в мире и о отягчающе своемъ волнъ и всея плотиюшкъ познанийъ» (Монашеский трубникъ)

как должен спасаться «я лично». Образы эти – яркие и постоянно предстоит воображению. И коль скоро не усматривается соответствия «идеала» с действительностью, начинаются уныние, ропот, соблазн всем и вся, отступление, и в итоге – конечное отпадение от Церкви, от веры и от Бога.

К примеру, если новообратившийся человек составил себе отрадную картину своей жизни, которая должна начаться после того, как он примет крещение: телесные болезни от него отойдут, скорби житейские рассеются и все дела пойдут гладко, «как по маслу» (а путь спасения христианина на самом деле не таков), тогда или Богу нужно (прости, Господи, что так скажу!) переменить образ и путь спасения (т.е. сделать спасение без Креста – скорбей), или человеку нужно узнать о жизни христианской и переменить свой образ мыслей и понятий о спасении. В противном же случае последуют разочарование, уныние, ропот – вплоть до полного отпадения.

Если рассматривать причины соблазнов претягивающихся в современной монашеской жизни, то

здесь еще более широкий «ассортимент» фантастических изобретений-моделей: какой должна быть, по мнению мечтателей, монашеская жизнь внешняя и внутренняя. Здесь, действительно, получается по поговорке: «Каждый Иван имеет свой план» – план построения жизни и спасения. Но «планы» и «модели» эти никогда не исполнятся (если в обычной жизни говорят: «Планы составляют для того, чтобы они не выполнялись», то тем паче в духовной). Ибо никогда тварь – человек – не домислится до разума Творца и Спасителя, как устроит спасение человека. Ведь и в обычной школе не ученик составляет программу и план своего обучения, а ему только одна забота – как выволнить заданные уроки и решать задачи. И выполняя – преупевает. А мы, имен Премудрого Учителя и Благотворителя, сами составляем себе план духовного своего обучения, прееупения и спасения. И в этом изобретения принимает участие не только маловерие, но и гордость ума, и сластолюбие, и самозажаление – весь комплекс наших страстей. Это – своего рода религиозно-философский поиск новых, «более легких», «удобных» и «современных» путей в Царство Небесное.

Эти наши, а точнее, полу-наши и полу-сатанинские «изобретения путей спасения» мы страстно любим, и отказаться от них бывает очень тяжело. И чем более человек считает себя умным, тем труднее ему отказаться от своего идеала (чтобы не сказать – идеала). Этому своему (точнее, гибриднему) «чаду» такой человек может в жертву принести все...

Не имея возможности воплотить свои идеи в жизнь в монастыре, разочаровавшийся мечтатель уходит из него. Иногда он может попытаться воплотить их в пустыне или «полу-затворе». Если и здесь встречает препятствия, то изобретает «образ спасения в миру». А мир раньше или позднее передаст его своему князю – дьяволу, мысля-крючок которого он привил и проложил вначале: «Будь милостив и себе, будь благоразумен, будь расудителен... Да не будет здесь это-

го бесполезного страдания с тобою. Зачем оно тебе? Подумай сам, ведь свое житиество можно устроить и так... и так...»

И последствия такого избрительного «плана спасения» бывают самые плачевные.

Для наглядности сказанного приведу некоторые выписки из письма одной москвички, которая познв некоторое время в монастыре и решив, что это ей будет «не во спасение», решительно от него отказалась и возвратилась в мир. Она пишет: «За многие годы бродяжничества [в миру] я истощила все свои и без того хилые силы, растеряла последнее здоровье, расточила и рассеяла весь духовный капитал, который имела с юности [мне посчастливилось быть верующей с самого детства]. Чужие квартиры... чужие дома... рабочие кабинеты... подвалы... Господи, сколько их было... (за семь лет). Где я только не жила...? Причем, не успею обжаться, более или менее прийти в себя, как враг (бывало) путь же изгоняет меня с насиженного места...» Еще бы — мир со своим князем во главе с такими духовными презюбодельми, кто оставил «первую любовь» своим, обходится очень жестоко.

«В последнее время я безбрежно ожесточилась и озлобилась. Я готова совершить какой-то страшный и нечеловеческий акт... Увы!.. У Святых Отцов сказано, что человек, который вздумал промышлять о себе самом — обезумел.

Наверное, нужно показать, к чему все это ведет. Она пишет: «Скитаясь по чужим домам и подвалам, я утратила всю чистоту сердца, приобрела несметное количество грязи и зловонных нечистот. От непосильных скитаний и страданий я впала в страшное уныние и отчаяние — действительно, зачем звать к Богу, если Он меня не слышит?» То есть, получается то, о чем я говорил прежде: или Богу нужно изменить образ спасения человека, или человеку познать и принять путь и образ спасения, положенный Творцом. Вот причина «неслышания» Богом столь сильных и требовательных молитв, суть которых: «Сделай так, как я хочу, а если нет — то я...!»

«...Я впала в такой ожесточенный ропот, что вот-вот начну хулить Бога, если, не приведет Бог, уже не начала. К тому же враг (бывало) так сильно напирал на меня, что мои мысли все время кружатся возле одного жуткого и непростительного греха — самоубийства».

Комментарии, думается, здесь излишни...

Это серьезнейшая духовная ошибка — когда христианин, а тем более монах, не предает себя в руки Божиим. Последствия от такой самости, к сожалению, бывают самые горькие...

Замечено, что наиболее частым условием спасения поставляется уединение.

Вопрос: Ну, это же естественно!.. Из святоотеческого опыта мы знаем, что почти все монахи так спасались.

Ответ: Нет. Я говорю о том, куда сам себе человек это определил — образ своего спасения. Не Господь этот порядок благословил, а сам он... И если человеку дается Промыслом Божиим какое-то особенное обстоятельство, которого он не ожидал или не хотел бы иметь, то это его сильно угнетает, а то даже и сокрушает. Хотя эти обстоятельства ему нужны для его спасения. Но он считает, что они не нужны, что они вредны. Вот и доходит иногда дело до ропота, отчаяния, а то и до богохульства.

Допустим, монах жаждет уединения, «молитвенной тишины» — условий для молитвы. Но Господь, видя, что это ему бесполезно, не дает ему этого. Может, для того даже, чтобы он познал свою немощь, смирился и никого не осуждал или для других духовных целей. Понимаешь? Так что в обстоятельствах, которые как бы «гнетут» лучше смириться, а не отгребать от них, потому что Господь знает, что человеку они нужны. Это его духовные тренеры, его духовные воспитатели. Это Промысел Божий. Потому нельзя роптать и говорить, что это плохо.

Вопрос: А для чего такое может быть попущено?

Ответ: Здесь может быть много вариантов, это судьям Божиим, как сказано: «Кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?» (Рим. 11, 34). Может, для

того, чтобы человек исправился, или для того, чтобы он смирился, или ради необходимости послушания, или еще для чего-то. Может, кто-то другой не справится с порученным ему послушанием. Понимаешь? Ну, допустим, если монах, поставленный на миссионерское служение или на издательскую работу, или занимающийся воскресной школой или еще чем-то подобным убежит куда-то и возьмется за это кто-то другой, то этот «другой», может, будет делать все в другом духе, с каин-то мирским, неверным уклоном. И множество людей уже не будут получать той духовной пользы, какую получали раньше. Господь держит на таких послушниках нужных людей ради того, чтобы другие люди получали пользу, хотя самих их это может зачастую тяготить.

Вопрос: А разве хорошо будет, если тягота перейдет в ропот?

Ответ: Это может случиться только по гордости и неразумию. В таком случае нужно вспомнить слово Писания: «Братие! если кто из вас уклонится от истины, и обратит кто его, пусть тот знает, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов» (Иак. 5, 19-20).

Вопрос: Но что толку, если люди спасаются, а я гибну? Что толку приобрести весь мир, а душе своей повредить? И вообще: монашеское ли дело «спасать мир»? Монах должен молчать и заниматься только своей душой.

Ответ: Это похоже на то, как в свое время сказала мне одна инокиня: «Не монашеское дело писать книжки».

Вопрос: Да? И что Вы ей ответили?

Ответ: Сказал: что же это тогда выходит? Тогда не нужно нам читать ни Макария Великого, ни Антония Великого, ни отцов из Добротолюбия, ни всех последующих монашествующих, кто писал поучения своим братьям и чадам. И Нестора-летописца нужно деканонизировать, потому что он писал книжки. Тем более что он писал не о монашеском делании, а о мирских событиях. И Макария, митрополита Московского... И Игнатия Брянчанинова, и Феофана Затворника... Ну, и многих других,

не говоря уж о современных монашествующих. Тогда нужно упразднить все монастырские издательства, «очистить» библиотеки от монашеских книг... одним словом, произвести полную революцию в Церкви – если не принять книг, которые писали монахи.

Вот до какого абсурда можно дойти, если составить себе неправильное мнение об образе спасе-

ния вообще, и в монашестве в частности. Поэтому еще раз говорю: нельзя судить Промысел Божий. Каждый человек нужен на своем месте – куда его определил Господь. Надо просто предать себя в руки Божии. Это самый верный путь. Именно в этом заключается истинное монашество.

А в каких-то особых скорбных случаях унывать тоже не приходит-

ся, ибо Господь сказал: «Грядущего ко мне, не изменю вою» (Ин. 6. 37). Если человек искренно будет молиться, то Господь, если увидит, что он на этом месте и в этом положении действительно не сплается, то Он его и одного дня там не задержит. В этом нет никакого сомнения. Лишь бы человек искренно, чистосердечно стремился ко спасению и все делал ради Бога.

Схимонахиня Михаила (Сарычева; † 1976)

Старнца Михаил

Из воспоминаний о схимонахине
Михаиле (Сарычевой)

Часть 1

мой. Она могла обличить человека даже в самом тайном и им самим до конца не осознаваемом грехе – этим даром она обладала с самого детства. Но при всей этой строгости – даром молитвы, чувством ответственности перед людьми, с которыми Бог судил ей встретиться и общаться, – скольким она помогла, скольких людей, уже бывших на грани познания, вывела к свету!.. Многим умершим матушка вымолила у Господа изменения их загробной участи, так как Бог открывал ей, где находится душа человека после смерти и что нужно предпринять, чтобы помочь этим душам... И при всех этих своих дарованных схимонахиня Михаиле всегда держалась как бы в тени, подчиняясь воле старцев, окружавших ее, считая их неизмеримо выше себя по подвигу.

Среди многих старцев, подвизавшихся в 1930-1970-е годы на территории Воронежско-Липецкой и Тамбовской епархий, схимонахиня Михаиле принадлежит исключительное место. Матушка эта никогда не жила долго в одном месте; с юности благолюбивая на странничество, она вообще не имела собственного жилья. У схимонахини Михаилы было много духовных чад, часто матушка бывала восприимчивой на монашеских постригах.

Матушка была необыкновенно требовательна ко всем людям, с которыми была в духовном общении, и имела на это очевидное право, так как, в первую очередь, была требовательна ко себе самой.

Она могла обличить человека даже в самом тайном и им самим до конца не осознаваемом грехе – этим даром она обладала с самого детства. Но при всей этой строгости – даром молитвы, чувством ответственности перед людьми, с которыми Бог судил ей встретиться и общаться, – скольким она помогла, скольких людей, уже бывших на грани познания, вывела к свету!.. Многим умершим матушка вымолила у Господа изменения их загробной участи, так как Бог открывал ей, где находится душа человека после смерти и что нужно предпринять, чтобы помочь этим душам... И при всех этих своих дарованных схимонахиня Михаиле всегда держалась как бы в тени, подчиняясь воле старцев, окружавших ее, считая их неизмеримо выше себя по подвигу.

1. Детство

Родилась схимонахиня Михаиле (в миру Мария Андреевна Сарычева) 15 июля и.ст. 1891 года в селе Пшаровна Усманского уезда Тамбовской губернии. Родители ее, Андрей и Пелагия, были благочестивые крестьяне, особенным благочестием отличалась мать. В церковь ходили неотступно. Имели собственный надел земли, лошадей, корову... Семья у них была большая. У Андрея были еще братья и все они жили одной семьей. Но родители матушки – самые многодетные – имели семеро детей,

причем только один мальчик. За это их недолюбливали, часто им и места за столом не хватало. Матушка потом иногда вспоминала: «Брату моему Михаилу был почет, его с отцом за стол сажали, а мы, девочки, с мамой на полу ели. Мама расстелет **деткичек** (это маленькая скатерть такая), и так кружком на полу обедали... Девочки недовольны были, особенно в праздники, всегда возмущались и роптали, говоря: «Мама! Что же мы и в праздник на полу? А мать смиренная была и им отвечала: «Девочки! Да ведь я-то с вами.

Или же нам плохо? Сидим просторно, а они там за столом теснятся, а еда у всех одинаковая».

Мария была в своей семье вторым ребенком, считалась уже старшей, всегда старалась помочь матери. В семье снохи готовили еду и пекли хлеб по очереди. Матушка вспоминала: «Когда мамин день, я изю всех сил стараюсь помочь. У мамы всегда болела голова, да и дети были еще маленькими, а я ей на хлеб муку сыпала. Мука хранилась в деревянном саре (такой большой ящик из досок с крышкой), ларь высокий, а я с

пола никак не достану. Так и дождусь, чтобы никого не было, залезу в ларь с ногами, муку побыстрее насыю и вылезу уже в муке с головами до нога».

Когда девочка уже подросла, взяли ее работать на ток – рожь молотить. Молотилка у них была своя, она привозилась в движение дошадными, а все остальное делали вручную. Снопки забрасывали в нее, а потом солому относили на носилках и укладывали в стог. Работа была тяжела и трудоемкая. Марин день или два сходила туда и надорвалась. Ей стало плохо, привезли ее домой, и она какое-то время лежала, не поднимаясь. Досторам сразу не показали – некогда было в страду. Потом стала потихонечку подниматься, но с тех пор она осталась на всю жизнь больной – физически работать и ходить быстро не могла. Марин ходила в приходскую школу, умела читать, и в это время у нее было одно занятие – чтение. Она говорила потом: «В доме всегда многолюдно, а я иду в сад и читаю, всю Библию три раза прочла. Читаю... Читаю... Солнце пригреет. И мне было так хорошо».

Когда ей было лет 10-12, окружающие стали подмечать, что девочка иногда скажет что-нибудь матери о погоде, о каком-либо человеке – и все это потом сбывалось. Стали к ней обращаться взрослые люди со всякими взрослыми вопросами! И она отвечала им как взрослая. Бывало придут: «Манюшка, мы хотим коровку заменить – у кого нам купить? Такая ма-асенькая, а она уже и отвечает как взрослый человек: «Вот у кого купите. У них можно купить, они хорошие – коровка будет хорошая, и молочка будет много. У них можно покупать». Или другие придут: «Манюшка, как же нам быть? За нашу Нюрку сватается вот кто». А она бегаёт по полу, притоптывает: «Нет! Нет! Нет! Это не ее жених! У нее жених еще не объявился. Вот как объявится, тогда и выйдет за него замуж. А это не ее жених!» Все потом так и случалось.

II. Отец Георгий

Родился в 80-х годах XIX века в том же селе Шмаровка мальчик. Как его звали в детстве, никто уже и не помнит. Мальчика этот был

годков на пять-семь постарше матушки Михайлы. Он был очень набожный. Матушка Михайла вспоминала однажды, что когда она была еще маленькой, мальчик пришел к ее бабушке, маминой маме, и говорит: «Бабка Поли, отдай Машку за меня замуж, а бабушка буркнула: «Да какой из тебя жених, тебе уже теперь все монашеском кличут». Она и не догадывалась тогда, что подразумевалось под замужеством Божий путь, и что многие люди придут в скором времени через этого мальчика к жизни по Богу. Когда он подросток, то поехал на Святую Гору Афон и его приняли в число братьев, подвизавшейся в тамошних русских монастырях и скитах. Через некоторое время он был пострижен в мантию с именем Георгий. Был ли он неродиаконом или неромонахом – об этом отец Георгий никогда не рассказывал. На личности этого подвижника мы останавливаемся потому, что он сыграл определяющую роль в жизни и схимонахини Михайлы, и схимонахини Антонины (Овечьиной), указав им обеим путь иноческой жизни, как единственно для них приемлемый. Свидетелей его подвигов почти не осталось, поэтому нам показалось уместным рассказать об этом подвижнике чуть подробнее.

В 1912-1913 годах случились на Афоне печально известные имяславские бунты, когда многие из братьев Свято-Паттелеимонова монастыря и, особенно, Андреевского скита, склонились к принятию новой ереси, содержащейся в книге схимонаха Илариона «На горах Кавказа», и поддержанной иеросхимонахом Андреевского скита Антонием (Булатовичем). Братия эта, названная «имябожниками», не хотела внимать увещаниям ни своего игумена, ни епископов, которые писали по этому поводу, ни определению Константинопольского патриарха, который осудил новое учение и открыто назвал его ересью. Хуже всего, что во все эти события были втянуты и монахи-простецы, которым все эти богословские тонкости были просто чужды. В июле 1913 года по определению Святейшего Синода на основании данных, собранных специально созданной для разбирательства обстоятельством дела ко-

миссией, все участники имяславского движения, а вместе с ними и многие иноки, которые просто выслушали комиссию какие-либо опасения, были вывезены из Афона в Россию. Среди вывезенных были и будущий преподаватель Кукша (Величко), и отец Георгий.

Отец Георгий поселился на родине, в селе Шмаровка, и стал юродствовать. Всех женщин, приходивших к нему, он звал «бабка Маша», а мужчин – «дядя Ваня», какого бы возраста и звания они не были и какое бы имя не носили. Простые же люди тоже зачастую звали старца не отцом Георгием, а просто Егором Ивановичем.

Во времена советских гонений на Церковь старец скрывался от властей. Жил он у верующих в хате, на чердаке. Схимонахиня Евгения вспоминает: «Однажды он приехал к маме и в печке пожевал: притаялся. Когда жил у одних рабов Божиих на крыше – разводил там костер, а солома никогда не загоралась! Наши ходили – мама, папа, все мои старшие сестры – и меня брали. Я маленькая была. Старшей сестре Дарье (она у нас красилась была!) сказал: «Бабка Маша, ты будешь по садочку ходить, да в садочке чаек попивать!» – он притчами говорил. Ну и не муж потом только что печной не был». Матушка Михайла тогда жила уже в селе Вязковка и за 15 верст ходила к Егору Ивановичу, носила на себе дрова. Принесет эти дрова, а отец Георгий положит две палочки рядом, на них еще две палочки поперек и на этом всем картошку себе варил. Причем сгорали только две верхние палочки, а нижние оставались целы. Бывало, чугунок, пока картошка варится, держал в руках – и не обжигался. Дивны дела твои, Господи!.. Он, бывало, так и выйдет зимой, сидит поверх соломенной крыши и поет себе: «Дивны дела Твои, Господи! А матушку Михаилу с матушкой Афанасией он свел. Они потом вместе странствовали. Он их всегда пущал в «чельво» (на чердак) и все им открывал...»

Матушка Афанасия с его благословения оставила двух детей и пошла странствовать – вот какая любовь к Богу была! Мужа у нее убили в первую германскую войну, и осталось после него два мальчи-

ка – Алеша и Георгий. Ей Егор Иванович и говорит: «Бабка Маша! Иди странствовать». А она ему: «Отче Георгие, да ведь у меня два мальчика малолетних, на кого же я их брошу?!» А он ей в ответ: «Ты не переживай. Тебе самой их не поднять, а твоих ребятишек Матерь Божия любит. Ничего с ними плохого не будет! Положись на милость Божию».

Уходила она весной, шла до Шмаровки и молилась: «Господи! Укажи через отца Георгия как мне жить!» Подходит к хатенке, окно открыто, а старец у окна стоит. Она говорит: «Отче Георгие, благослови!», а он ей из окна нараспев: «Пришел инок в монастырь, и говорит: "Примите меня в монастырь жить". А ему отвечают: "У нас голод, у нас холод, у нас болезни, у нас скорби". Да он и согласился и на голод, и на холод, и на болезни, и на скорби: "Я останусь в монастыре"». Старец это ей к тому говорил, что ее ожидает монашеский путь, путь отречения от себя. И она странствовала пятнадцать лет. Одежда на ней была из мешка. Питалась тем, что подадут. А были тогда годы голодные, и капустному листу бывала рада. А с детьми вот что вышло. Они утром встали, а матери нет, они и пошли к соседке. Та их водила к Егору Ивановичу. И по его молитвам их судьба устроилась. Один, Георгий, правда погиб в Великую Отечественную войну, но у него были уже жена и сын. А второй, Алексей, жил в Воронеже – он у Николая Овчинникова (знаменитый хирург, в скиме – иеромонах Нестарый) кладовщиком в больнице работал. Он Божим был, хорошим. Дети никогда не осуждали мать за ее выбор. Всегда принимали ее и давали ей кров и пропитание. Но она все равно никогда у них долго не задерживалась.

Была у Егора Ивановича как-то деревянная ложка с Афона. Держал он ее у себя за великую драгоценность. Очень многие вспоминают, что подойдет, бывало, к своим Афонским лампадочкам и как бы зачерпнет огонька с горящего фитилька. Смотрит, а ложка вся полна как будто расплавленным металлом. А он пост себе: «Дивны дела Твои, Господи!» и содержимое из ложки присут-

ствующим по рукам разливает. И никого не обжигало никогда. А потом так легко на душе было. Он перед арестом эту ложку матери Михаилу отдал, а та, в свою очередь, перед смертью, своей послушнице – матери Ксении.

Арестовали старца за несколько лет до войны. Было это зимой. Когда брали – обливали его ледяной водой на мороз! Чего только

старцы за веру не терпели! Увели его на Шмаровку на станцию Обороны (ныне с. Мордово), вели мимо огромного Мордовского храма в честь св. Архангела Михаила с удивительным фарфоровым иконостасом. Батюшка встал на колени и в кузове машины, перекрестился на храм и сказал (все рядом это слышали): «Стоял и будет стоять, как Иерусалим, до второго Пришествия». Так и вышло, сколько ни пытались в советское время храм разрушить, но по Божией милости – всякий раз ничего у богборщев не выходило. Когда на станции батюшку посадили в состав, то все, кто знал старца, легли под поезд. Их всех силой разогнали. Однако несколько раз состав просто не мог сдвинуться с места – как будто в нем находилась непомерная тяжесть. В конце концов, сам арестованный благословил своих конвоиров: «Ну, Бог благословил, езжайте!» – и поезд пошел легко и свободно... Здесь наши сведения об отце Георгии исчерпываются. Известно только, что он принял вскоре мученическую кончину.

III. Страница

После Октябрьской революции для семьи Сарчиных наступили тяжелые времена. В годы продразверстки, еще до НЭПа, вышел вот какой случай. В это время у крестьян отнимали силой не только излишки продуктов, но, бывало, забирали все подчистую. Однажды отец Марии Андрей решил спрятать в поле мешок зерна, про запас. Закопал неглубоко, поверх засеял рожью, а место не приметили. Когда рожь взошла – то уже никак нельзя было это место обнаружить. Очень горевали. А Мария сказала: «Не волнуйтесь, мешок цел. Как будете рожь косить, так найдете мешок». Когда стал отец косить рожь, так косой и подцепил кусочек мешковины: мешок нашлся. И зерно было на удивление целехонько.

На селе стали называть ее матушка Мария или сестра Мария. Многие просили советов в трудную минуту, она отвечала, и все сбывалось.

Когда началась коллективизация, их семью причислили к разряду кулаков, хотя у них ничего особенного не было, только большой дом и молотилка. Все у них отобрали, из дома выселили. Бабушка старая стала ходить побираться по селам. Матушка вспоминала: «Она уйдет, а мы боимся, что ее там убьют... У меня от голода живот "прирастал" к спине. Бабушка принесет чего-нибудь – младшим детям отдает. А я-то вроде взрослая – не евши». Затем их отправили в ссылку в Казахстан. Забрали матушкину семью, мамину бабушку Пелагею, дядю Мишу, брата ее отца, у которого к тому времени умерла жена, и он остался один с тремя детьми. Матушка потом вспоминала еще: «Привезли нас на станцию, подошел какой-то поезд, нас всех погрузили в холодный вагон и повезли, не знаем куда. А я как зашла в поезд, легла на полку, и не поднималась, пока не доехала до места. Мама всю дорогу плакала – болтала, что я умру дорогой и меня выбросят, где придется. Доехали мы до места, поместили нас в барак, а я и там все время лежала, не могла головы поднять». На матушку обратил внимание какой-то смельчак, как будто

доктор. Он подошел, расспросил все у нее и дал какие-то «розовенькие» капли. Матушка их попила и поднялась. Потом она часто вспоминала об этом: «Пузыречек маленький был, что за капли были – не знаю. А попила и встала на ноги». В ссылке они были недолго – меньше двух лет. Старшая сестра Анна была замужем, жила в другой семье и с ними в ссылку не попала. Она в скором времени собралась на них документы, получила какие-то распоряжения и, приехав в Казахстан, всех их забрала оттуда. Матушка предсказывала близким в ссылке, что их скоро отпустят, но ей не верили, говорили, что если бы хотели их отпустить, то в такую даль не загнали.

Когда матушка Михаилу вернулась из ссылки, она с благословения отца Георгия нигде не прописывалась и села страннической образ жизни. Ходила вместе со схимонахиней Афанасией. Матушка сначала мучилась без документов, все время приходилось таскаться по чердакам у тех, кто принимал. Горевала: «Как же у меня паспорта нет?» На чердаке молились, иконочки украшали. Матушка вспоминала: «Однажды принесли мне наверх разные бумажки, ниточки, чтоб иконки убирать. Вдурт смотрю – а на крыше какая-то бумажка в солому воткнута. Смотрю, что такое? А там книжица, а на ней написано «Паспорт». А в паспорте написано: «Сергей Павлович Нокин». А в сторонке, гляннула, бес стоит. Глаза страшные и ухмыляется. «Меня, – говорит, – так теперь и зовите: Сергей Павлович Нокин. Это я у одного начальника паспорт украл». Мы потом бесов так и звали «нокин». Я и говорю: «Откуда принес, туда и отнеси, а то начальник тот будет гореться [горевать]. Посмотрела после – а бес исчез. И паспорта уже никакого нет». Потом матушка говорила еще: «Лукавыи, как праздник, «подарки» носит. Принесет шляпу – голова будет болеть, принесет кому салоги – тогда ноги с места не отдерешь». Мы спрашиваем: «Матушка, какой же он, бес, есть?» А она отвечает: «Он страшный – вы его испугаетесь: глаза огненные, хвост врючком! Весь страшный – невозможно!». Сама она их никогда не боялась.

Бывало, придут соседи, а матушка их в каком-то грехе обвинит. А мама, еще тогда жива была, и говорит: «Мани! Зачем же ты так сказала, так не надо». А она в ответ: «Мама, да я и сама не знаю, зачем сказала».

Однажды, еще до войны, матушка поехала со своей старшей сестрой Анной в Киев. Пришли они в Киево-Печерскую Лавру, прошли к пещерам, а в это время отец Кукша (Велгичко) был уже в Кивсе и все о нем говорили, что он великой жизни. Матушка говорила, что ей очень хотелось его увидеть. И вот, идут они по пещерам.

доходит до мощей преподобномуученика Кукши Печерского, а отец Кукша стоит тут же рядом, смотрит на матушку и говорит: «Этот Кукша лежит мертвым», а этот, – указывает на себя, – еще живой стоит». Матушка говорила: «Я так утешилась». Он дал матушке пачку сахара и еще что-то. Вот так они чудесно постречались. Потом они с сестрой пошли во Введенский монастырь, и их поместили в гостинице. Там несли послушание монахини. Мария показывает на одну и говорит: «Эта мантиню купила за деньги, а на другую указывает и говорит, что «эта заработала трудом». Сестры это быстро заметили и стали одна за другой подходить с вопросами. Анна с досадой говорит: «С тобой, Мани, хоть нигде не показывайся, давай ух-

дить отсюда, а то еще нас с тобой заберут куда-нибудь».

После ссылки матушка жила иногда у родных сестер, но больше у людей, хоть и чужих, но родных по духу. Нашлись для нее и духовные сестры, которые вместе с ней ходили странствовали. Храмы закрывались, но не все сразу, и где совершалась служба, туда и шли, не считаясь с расстоянием, иногда без куска хлеба. Годы были тяжелые. А если по какой-то причине не удавалось попасть в храм на праздник, то шли на кладбище. Матушка говорила: «Раньше люди были хорошие, Божии. На каждом кладбище есть святые, и там можно молиться». Пришли они как-то в село Замары, где остановились у своих знакомых. Матушка еще в постриге не была, ее все Марией звали, но люди к ней уже тянулись за советом. И вот пришел один мужчина, матушка его сразу назвала за глаза «сыщником», под благовидным предлогом – мол, побеседовать. Матушка не подала никакого вида, и во время беседы вдруг у него спрашивает: «Иван, а ты в беге был?» «Нет», – отвечает. «Ну, побудешь! Там знаешь, как хлестают? Что потом и сбилось, тогда за любой дотос сажали – его и посадили в тюрьму. Но в тот раз он на эти слова не обратил никакого внимания и, побеседовав, ушел. Только он за порог, матушка, не медля, встала и говорит: «Собирайтесь скорее, уходить надо». Они быстро собрались и пошли. Только пошли не по дороге, а свернули в ржаное поле. Росте еще не выколосилась, но от земли уже поднялась. Они вяли чуть в сторону и слышат: едет по дороге лошадь с дровками, колеса поскрипывают. Матушка приказывает: «Лонитесь». Все легли, а уже началось сумерки. Они и от дороги-то отошли совсем недалеко, а те подехали совсем рядом и остановились прямо напротив них. Этот «сыщик» все руками размахивает и удивляется: «Да куда же они делись? Ведь только что были». Постояли, пострегали по сторонам и вернулись назад. А матушка с тремя спутниками и так и шла по-прежнему. Потом одна из них вспоминала: «Пока шли по полю, все время лучик света светил».

(Продолжение следует)

Воспоминаний келейника св. Тихона Василия Чеботарева известно, что помещик Тюндянского источника святитель имел расположенное душевное и к еще одному природному ископаду вода «от Задонска в десяти верстах», куда частенько ездил на подаренной помещиком Бехтеевым одноколке, запряженной утомленной годями лошадкой, которую святой Тихон ласково именовал «Стариком».

— Пошли, Василий, заводи одноколку, — говорил он Чеботареву, — проедемся. Возьми с собою чашку и кус, накусим травы Старику, также и воды нальемся там.

Более ничего, как говорится, «из первых рук», об источнике этом не известно. Но на протяжении десятилетия хранило о нем память народное предание, конкретно указывая, что бывал святитель Тихон у лесного родника на берегу речки Проходки, там, где она прорезает «лесную дачу», принадлежавшую в большей своей части помещикам Выхудинным. Передавалось также в этих рассказах задонских старожилов, что святитель Тихон, бывая у Проходненского родника, своими руками его окопал и обустроил. Это был «колодезь с свежою и весьма приятною водою, бывшею из неуг-

Тихая лесная обитель

История Свято-Тихонского монастыря

Глава 1

лубленного песчаного дна двумя фонтанями», что с незапамятных времен струил воды из-под обрывистого, возвышенного левого берега малой лесной речки Проходки. Правый же ее берег и донные представляет собой обширную отлогою поляну, где действительно можно было вволю накусить сена.

Даже и во второй половине века XIX, по свидетельству иеромонаха Геронтия (Кургановского), упомянутое предание «сохранялось свежо», то есть, основывалось на прямой передаче свидетельства очевидцев.

Отец Геронтий оставил нам весьма поэтичное описание местности, которую народное предание прямо связывало с удачными трудами и молитвами святителя Тихона на земле Задонской: «Здесь кругом по косягору... густо раскинулся строевой дубовый и березовый лес, а за лесом далеко расстилается зеленый ковер вскомосившейся волнующейся нивы, в углублении которой, к западному горизонту, словно серебристая чешуйчатая змея, тихо скользит по песчаному своему руслу река Дон. Какой очаровательный эффект замечается тут при закате солнца, когда последний багровый его луч, золотистую длинную лентой прорезая собою темную лесную тень, далеко стелется по земле; когда сонны перелетных пернатых певцов произносят здесь восхитительную чудную гармонию своим дружным пением и чирканьем. Неудивительно, после этого, что тут, под прохладною тенью роскошной растительности, позлащаемой лучами

заходящего солнца, любил предаваться благочестивым размышлениям угодник Божий святитель Тихон, когда он, живя на покое в Задонском монастыре, удалился в эту «чащу леса от тревоженного мира».

Действительно, несмотря на отсутствие этой детали в сообщении В. И. Чеботарева о поездках ко «второму» источнику, вряд ли подлежит сомнению, что и в этом лесном уединении боговаконовенный старец-архиерей находил время для молитвы. Как свидетельствует тот же Василий Иванович, свт. Тихон не оставлял ни на минуту поблизости даже и в загородных поездках: «Дорогою все говорил... Либо с травы материю возьмет, или из Священного Писания какие тексты объясняет мне, и все наклоня к вечности».

Более того, отец Геронтий в своей брошюре «Описание Тихонского общежительного мужского монастыря, находящегося близ города Задонска», считает возможным утверждать, что именно здесь, под журчанье родниковых струй, вливавшихся в тихие воды Проходки, «под влиянием роскошной картины природы, он написал в своем замечательном по простоте изложения и высокой мысли труде «Сокровище духовное, от мира собираемое», статью под рубрикой «Воля мимотекушая».

«Что вода мимотекушая, — любомуздруствует святитель, — то и житие наше и все, в житии случаемое. Видим, что вода в реке непрестанно течет и прохолодит, и все, веруя воды палушае, как-то: лес, воздух — прохолодит. Христиане! Так и житие наше и с житием все благополучие и неблагополучие мимо идет».

Правда, уже в следующих строках отец Геронтий без каких-либо

оговорок относит к источнику у Прокопьи все, сообщенное о родине Троицкого Н. В. Елагиным — автором одного из наиболее ранних и авторитетных официальных описаний жития св. Тихона. А потому и предыдущее предположение задонского инок-краеведа, возможно, объясняется желанием потравить заказчикам брошюры, явно стремившимся как-то пролить в прошлое историю обители насчитывавшую лишь десяток лет.

Как видно из последующих известных публикаций скупо «народное предание» старинцами насельников новооснованного монастыря с годами обростало все большими неизвестными ранее подробностями. Распространяются истории о долгом проживании свт. Тихона и монаха Феодана на берегу Прокопьи, о посещении этого места шведскими людьми Божицки из Задонска. Все эти не имевшие подтверждения «предания», к сожалению, нашли отражение не только в ряде очерковых паломнических заметок, опубликованных в изданиях начала XX столетия, но и в первой послереволюционной попытке написания истории монашеского обихода в этом месте, благословенном трудами и молитвами святителя Тихона — книжке «Обитель над Доном» И. Ивановой.

Вернемся, впрочем, в век XIX...

Как известно, в ходе строительных работ по сооружению нового собора во имя Сретения Владимирской иконы Божией Матери, в Задонском мужском монастыре в ночь с 13 на 14 мая 1846 года обретенные были нетленными мощи святителя Тихона, опочившего здесь в 1783 году. Известие об этом имело широкий резонанс в сознании церковной полноты, сохранившей в своих сердцах память об архиерее, еще при жизни его почитавшемся за святого.

Воронежский губернатор, барон Х. Х. фон дер Ховен, посетивший Задонск 13-15 августа 1846 г., доносил министру внутренних дел: «В день памяти свт. Тихона всегда собиралось много народу, но в настоящее время такое множество стекалось богомольцев со всех сторон, а особенно высшего дворянства, даже из отдаленных губерний, что

монастырь, довольно обширный, не мог вмещать поклонников. Причем усмотрено мною такое благоговейное чествование поклонников к Преподобному Тихону, что все сословия призывают его в молитвах, как святого, на помощь, при разных скорбных обстоятельствах жизни и воссылают ему благодарение за полученные от Господа благодеяния, веруя в его ходатайство пред Богом. Вообще религиозное движение всех сословий увеличивается в описании большого прославления преподобного Тихона, как особенного благословения Божия к любимому и обожаемому народом Монарху и Его Августейшему Дому.

Тогда и оживают старые предания, появляется особый интерес к сохранению вещественной памяти о пребывании святителя Тихона в Задонске. Богородицкий архимандрит Серафим, сподобившись раздаться с архиепископом Воронежским Антонием (Смирницким) радостью первым лицезреть нетленные мощи «Златоуста Русского», имел, естественно, об этом особое попомнение. И, будучи несомненно знаком с местными преданиями, отец настоятель решает выкупить в монастырскую собственность участок с Прокопанским родинком, дабы не оставалось и впредь в забвении это святое место, отдаленное от города и окружающих селений.

Родинк и прилегающая часть левого берега Прокопьи находились в общинной собственности крестьян села Тешевка. А потому, как пишет иеромонах Геронтий, архимандрит Серафим к 1852 году, склонил Государственных крестьян пригородной слободы Тешевки к добровольному промену на находившийся выше сего участок земли, принадлежавший Задонскому монастырю, в одинаковом количестве 8 десят. 1420 саж. и полях об этом формальное заявление в Петербург». Положительный ответ на запрос в столичные инстанции последовал не сразу. Но после года ожиданий, наконец, в 1853 году «Господин Министр Государственных Имуществ, вследствие сообщенной ему определения Св. Синода от 3-го ноября 1852 года, уведомил, что Воронеж-

ской палате Государственных Имуществ предписано допустить предположенный промен земли между Государственными крестьянами слободы Тешевки и Задонским Богородицким монастырем». В результате обмен землями состоялся и участок при «Тихонском» родинке перешел под попомнение Богородицкого монастыря. Тем не менее, оставались еще нерешенными проблемы обеспечения свободного доступа к родинку, ведь в те времена вся земля была в чьей-то собственности...

А потому архимандрит Серафим вступил в переговоры с Викуляны и ввела полное попомнение со стороны помещика Елвакого уезда А. И. Викуляной, одной из собственников прилегающей «лесной дачи». Набожная госпожа Викулина последовала примеру старших родственников, вот уже два поколения так много делавших для увековечения памяти о трудах святителя Тихона на Тюнинском источнике. Она пожертвовала в том же 1853 году в пользу Задонского Богородицкого монастыря «лесной смежной участок, в количестве 41 дес., состоящий на правой стороне крутого берега реки Прокопьи». Так у насельников обители Задонской появилась возможность проявить об этом благословенном месте должную заботу, дабы паломники могли посещать его уединенно и безпрепятственно.

Подробности сообщает отец Геронтий: «По отмежеванию же Задонским уездным землемером этого участка от лесной дачи г-жи Викуляной в пользу Задонского монастыря, архимандрит Серафим первым делом озабочен был несколько облагородить эту поляну под горой, где находится колодезь. Улучшил самый вид колодезя, поставив в него новый дубовый сруб на место сгнившего, утаварил тут деревянный голубец [крест с крышею — А. М.] со святою иконою; в лесу же устроил пашку для пчеловодства и при оной построил несколько жилых деревянных изб, в коих жили потом старички-иноки, присматривавшие за хозяйством. В таком виде это место, освященное духовными подвигами Святителя Тихона оставалось до 1864-го года».

Живая вода Промысла Божьего

из бесед с кавказским пустынноиком

«Господь вчера и днесь Той же и во веки»

Часть 5

«*И на золу келовестных
покамен!»*

Это было в 1985 году на Светлой седмице. После праздничной службы мы с Давидом вышли на улицу и сели около своей келии на скамеечку, начав беседовать на духовные темы. Слово за слово — зашла речь о смерти: ведь 85-й год, по словам Давида, был для него «роковым». Сам я, правда, никогда не любил бытствовать, каким образом мой брат мог заранее знать время своей кончины. Но кое-что из его рассказов мне было известно.

Во-первых, с самого раннего детства Михаил страдал астенией. А астеники, как правило, склонны к заблуждению туберкулезом. И Михаила, еще совсем юный, заболел этой серьезной болезнью.¹ Шли годы — недуг то затихал, то возобновлялся, но окончательно не исчезал. И вот однажды у Михаила произошло очередное обострение (к тому времени он уже обратился к вере и был вполне воцерковленным человеком). Приступ случился на Преображение Господне — праздник, который на Украине

празднуется с особой духовной радостью: люди идут в храмы с корзинами самых лучших фруктов, с букетами цветов. «А мне, — говорил Давид, — было очень трудно. Я чувствовал, что могу умереть. И так мне стало горько!.. Заплакала душа... Ведь все люди сейчас в храме... радуются празднику... А я, как бесплодная смоковница, вот-вот могу умереть, так и не принеся достойных плодов покаяния...»

Одному только Сердцеведцу-Богу известно, о чем в тот момент взмолился Михаил. Но молитва умирающего была принята. В какой форме проявилась эта милость Божия, сказать не могу — Михаил подробностей не открыл, а сам я допытываться не дерзнул. Он сказал мне лишь о том, что Господь продлил ему время жизни.² Но впоследствии он часто говорил, что «1985-й год — роковой». А Пелагее Леонтьевне, крестной матери своего отца, он сказал, что «я умру в ноябре месяце».

Какая будет причина смерти, Михаил не знал (по крайней мере, мне никогда об этом не говорил), а я не знал тем паче. Мы ждали каких-то «особых» событий — предполагали, что придут «блостители порядка»: или убьют на месте, или замучат в тюрьме. Одним словом, готовились к «нападению». Поэтому беседа на тему, что скоро нужно

ожидать смерти, была для нас вполне естественной.

И все-таки разговор в тот день получился «особым» — его я запомнил на всю оставшуюся жизнь...

Помнится, Давид часто укорял меня за несерьезность нрава — склонность к веселости. И хотя я пытался исправиться, получалось это у меня откровенно плохо. Вот и в тот раз... При всем осознании важности темы, мне почему-то захотелось немного подшутить над моим серьезным другом — я принялся с легким юмором «описывать» будущую смерть Давида. Говорю: «Вот Давид скоро умрет... его будут хоронить, плакать и говорить: "Какой раб Божий был!.. подвизался..."» При этих словах я взял его за ухо: «А ушко это будет кушать черви... а монах будет хвалить: "какой раб Божий был!..»

Я, конечно, сказал это полшутя. Но Давид вдруг напрягся и очень серьезно ответил: «Нет, я не хочу никаких человеческих почестей! Не хочу, чтобы меня хоронили как человека! Меня должно бросить где-нибудь как пса — чтобы никто не знал, где я буду валяться!»

На фоне моей легкомысленной речи эти слова прозвучали подобно грому. Я был поражен его серьезным ответом. И внутренне почувствовал: да, так оно и будет...

Келлия брата

Поздней осенью 1985 года, когда уже наступили холода, Давида попросили отремонтировать печку в одной старой келии — он ведь был мастером на все руки. Ну, что ж, надо — значит, надо. По пустынным меркам келия располагалась

¹ Не исключено, что болезнь была спровоцирована тяжелыми условиями жизни семьи. Вот как об этом позже вспоминал сам Михаил: «Отец начал пить... Мать подала на развод. Разошлись. Мы с сестрой остались с матерью. Когда делал имущество, в удел матери выпал недоестроенный дом. Доводить стройку до конца пришлось ей одной... Жила на суухарх: ведь кроме того, что нужно было питаться и одеваться, нужно было еще и строить. И все это на маленькую зарплату матери. Была не жизнь, а мучение...» (прим. ред.).

² Это похоже на то, как и пророк Езекия вопиял в скорби сердца своего. Об этом повествуется в Библии: когда Езекия заболел и должен был умереть, то начал слезно молиться Богу, и Господь сказал ему: «*Я услышал молитву твою, увидел слезы твои, и вот, Я прибавлю к дням твоим пятьдесят лет!*» (Ис. 38, 5) (прим. автора).

не очень далеко, на расстоянии от нашей всего в четырех часах пути.

Перед тем, как расстаться, мы с Давидом договорились встретиться в близлежащем селении, чтобы забрать оставшиеся там ноши. Рассчитав время, мы решили, что в определенный день Давид спустится вниз из той келии, где будет производить ремонт, а я — из своей. Заберем ноши и возвратимся домой вместе.

В назначенный день, как и договаривались, я спустился в селение. Но Давида там не оказалось. Немного подождав, я решил пойти назад, подумав, что Давид по какой-то причине задержался, а мы с ним разминувшись. Пришел. Келья стояла пустой... Что было думать и что делать?... Нужно было бы, конечно, сразу бить тревогу. Однако я временно — наверное, потому, что не допускал мысли, что с моим собратом случилось что-то серьезное.

Но воля Божия над Давидом уже совершилась. В те дни брат дал мне знак, что он уже находится в мире ином, только грубая моя душа этого не поняла. А произошло это следующим образом. Лег я спать. Вдруг под утро вижу сон: заходит в келию Давид — такой веселый, радостный — и спрашивает меня: «А ты что: умирать не собираешься?» — «Да нет, — говорю, — умирать буду, когда Господь смерть пошлет». Давид поворачивается и уходит... А я уже с открытыми глазами смотрю ему в спину. Господи!!! Да что же это?! Вскочил с лежанки, протер глаза, но сразу не понял в чем дело. Подумал: «Какой странный сон!» — чуть ли не наяву видел Давида. И все-таки я еще не допустил мысли, что мой друг уже умер.

С рассветом снова спустился в селение и по дороге увидел чьи-то следы. Мне подумалось, что, может, по какой-то причине Давид пошел к братьям, которые жили от нас на расстоянии двух дней пути. Пока выяснял, прошло несколько суток. В итоге оказалось, что Давида у братьев нет, а виденный мною след был следом одного охотника. Таким образом, снова отсрочились тщательные поиски.

Сначала я искал один. Потом — с братьями. День проходил за днем, но все наши усилия были тщетными. И в какой-то момент мы поняли, что нашего собрата уже нет в живых...

Обстоятельства Давидовой смерти так и остались для нас неизвестными. Его могилы мы не нашли. И до сих пор никто не знает, где и как он умер. Господь не благоволил открыть. Не раз вспоминался мне потом наш пасхальный разговор на скамеечке и такие решительные слова моего друга: «Не хочу, чтобы меня хоронили как че-

ловека!»... Что ж, Господь принял его желание...

Ну, а если говорить предположительно о причине Давидовой смерти, то можно сказать следующее. Месяца за два до его кончины пошли из Сухуми в горы на охоту два человека. Один из них был приемщик пушнины. На него имели большую злобу многие охотники из-за того, что он принимал от них пушнину, сильно занижая сорт и стоимость. И когда он с другом отправился на охоту, за ним пошел некто, который убил их там. Один монах видел того, кто пошел вслед за ними, и узнал кто это. Когда сыновьям погибших стало известно, что тот монах видел предполагаемого убийцу, пришли с милицией и арестовали его в надежде на то, что он укажет убийцу. Монах оказался в тяжелейшем положении: назвать имя того человека — значит, обвинить его в убийстве двух охотников. А вдруг он их не убивал?... (Ведь монах только видел, как тот человек пошел вслед за ними по тропе). К тому же, если он укажет на предполагаемого убий-

цу, то его родственники обязательно убьют его за предательство по кровной мести. А не назвать — сыновья убитых замучают до смерти, обвинив в соучастии.

И монах, помолвившись, сбежал от милиции и этих сыновей по дороге, пока те не успели донести его до селения, и скрылся в неизвестном месте. Группы родственников с милицией и без нее начали в великой ярости везде искать этого сбежавшего монаха. Более месяца продолжался поиск...¹

Искали его и в районе, где жили мы с Давидом. Я тоже с ними чуть было не встретился, но, услышав их разговор на расстоянии, спрятался за камень. Они прошли в трех шагах от меня, но меня не заметили. А через несколько дней Давид пошел в селение и исчез безследно...

Примерно около сорокового дня пропавший друг приснился мне вновь. «Я умер в пятницу», — сказал он. Мне очень хотелось его спросить: «А при каких обстоятельствах? Тебя убили или ты заблудился?» — в то время стояли туманные дни, а у Давида было слабое зрение. Но я, как ни напрягся, так и не смог этого сделать, проснувшись, в конце концов, от напряжения. Открыл календарь — в пятницу, последовавшую за днем нашего расставания, было первое ноября.

Так исполнилась воля Божия о Давиде. Отшел он в мир иной, как и было сказано, в ноябре 1985 года. Прими, Господи, душу его с миром!

Встаю, дышу и во веки

Более двух десятилетий прошло со дня кончины приснопамятного монаха Давида. Однако до сих пор он жив для меня как друг, как брат и как несомненный дар Свисты. Жизнь его была для меня образцом, и смерть стала примером. Самоотвержение, глубокое покаяние

¹ В книге монаха Меркурия «В горах Кавказа» этот случай подробно описан в главе 52. В начале 53-й главы имеется упоминание о гибели монаха Давида, который обозначен автором как «молодой монах, живший вблизи Георгиевского перевала» (прям. ред.).

чувство сердца, безкомпромиссность и мужество были характерными его чертами. Но главное — это детская простота души и полное, «безоглядное»⁴ доверие Богу. Как эти качества необходимы нам сегодня, при все более и более усиливающемся среди христиан духе уныния, малодушия и маловерия!..

Невольно вспоминается мне моя юность — терзания, мучения, сомнения, горькие раздумья и сокровенные молитвы к Богу. И вот — встреча с Михаилом, моим будущим собратом, его рассказ... Предо мной предстала удивительная история обращения к вере двух юных заблудших душ, воспитанных в безбожной советской школе в 60-е годы XX столетия — моего друга Михаила (1950 г.р.) и его родной сестры Нины (1956 г.р.). Очень назидательным показался мне и образ спасения их родителей Павла и Иулиании, а также их дедушки — Михаила, и бабушки, которую тоже звали Иулианией.

Когда я услышал этот рассказ, то ощутил, что Господь Бог и Преподобногосвященная Царица Небесная, и Рай, и Небесные Силы также реальны, близки и удободоступны к нам, как и тысячу лет назад. Для меня это было, как Живая Вода умирающей душе. Радостно было видеть и осознавать, что и сегодня, несмотря на всю суетность, нечестие и злобу мира сего, Господь не оставляет нас. Божественным Промыслом соделывается спасение и сегодняшних грешников, даже самых последних — тех, кто потерял всякую надежду на спасение.

«Веруйте в Бога и в Меня верующие... Верующий в Меня, если и умрет, оживет», — сказал Христос, ибо «Я есмь воскресение и жизнь» (Ин. 14, 1; 11, 25).

Вот об этой-то милости Божией и хотелось бы ныне начать рассказ — о том, как Господь устраивал спасение семьи моего брата по духу раба Божиего Михаила, в монастыше Давида. И думаю, что если хотя бы одна душа из тысячи, прочитав это повествование, ощутит Животворную Росу на своем жаждущем и иссыхающем от маловерия сердце,

то и тому я буду рад, ибо и одна душа дороже всех сокровищ мира.

Вместо предисловия

Эту историю можно было бы передать и устно — пересказать со слов собрата. Но по воле Божией она оказалась записанной самим монахом Давидом за два года до его смерти. А случилось это так.

Как-то раз приехал к нам из Краснодара один молодой человек, раб Божий Иоани — он был нашим другом и благодетелем. У них с Давидом завязался разговор на тему спасения, и Давид поделился, каким нелегким был его путь к Богу. Также рассказал и о той большой роли, которую сыграла в выборе его жизненного пути его родная сестра, отроковица Нина. По неисповедимым судьбам Божиим она обратилась к вере через некое Божественное видение. Произошло это в 1969 году — девочке в то время не исполнилось еще и 14-ти лет. Далее Давид вкратце рассказал нашему другу о видении своей сестры, а также о том, каким образом через это событие он пришел «в разум истинны».

Вернувшись домой, Иоани пересказал, что запомнил из рассказа, своей матери Нине Григорьевне, которая незадолго до того обратилась к вере через серьезную болезнь. Заинтересовавшись, Нина Григорьевна попросила Давида описать в письме эту историю более полно. Давид согласился. «Письмо» заняло тетрадку в 48 листов. Несколько позже, отвечая на

вопросы женщины, Давид написал еще почти столько же. А Нина Григорьевна перепечатала эти два письма в виде отдельной книжечки в нескольких экземплярах, один из которых передала нам в пустыньку.

Без сомнения, это было Промыслом Господним. Вскоре после того монах Давид отошел в мир иной...

Что и говорить, после гибели друга мне было очень нелегко. Вот тогда-то «Письмо» и послужило доброй службой. Перечитывая его, я укреплялся мыслью, что в жизни моего собрата очевидно прослеживалось водительство Божие, и что несмотря на жестоку брань со стороны духов злобы, монах Давид все-таки до конца устоял в верности Богу и обрел милость пред лицом Его.

Вскоре я передал Давидову рукопись Святейшему Патриарху Илию II, а также своему духовному отцу схиархимандриту Виталию (Сидоренко), желая более точно удостовериться в истинности этого свидетельства. Они, прочитав «Письмо», отозвались о нем весьма одобрительно, а отец Виталий даже укорил меня за маловерие. Слава Богу — душа моя постепенно умиротворилась.

Шли годы. Иногда в беседах с людьми приходилось вспоминать о монахе Давиде, о его духовном пути, о его испытаниях, о духовном мужестве и верности Господу. По возможности и давал собеседникам почитать Давидово «Письмо». И зачастую бывало так. Прочтя рукопись, люди убеждали меня не держать ее под спудом, а отдать на пользу многим — издать типографским способом. На что я, пренебречь честно, не решался. Ведь для того чтобы все то огромное письмо, в котором Давид описал все с сестрой Ниной обращение к вере, было понятно читателям, требовались дополнения. Нужно было написать комментарии, а также, — по совету одного известного батюшки, — повествование о нашем с Давидом уходе из мира. То есть, неминуемо пришлось бы говорить о себе. А это дело весьма нескромное — что, собственно, и было основной причиной моего нежелания браться за сей труд, который раз за разом откладывался на «потом»...

⁴ Ср.: «...никто, возложивший руку свою на плуг, и отзирающийся назад, не благоугоден для Царствия Божия» (Лк. 9, 62) (прим. ред.).

Однако время не ждет. Вот уж более двадцати лет прошло со дня смерти моего друга. Приближается час и моей кончины. Как предстану пред судом Божиим? Сознания это, боясь уподобиться некоему этому евангельскому рабу, скрывшему дарованный ему талант в земле забвения и нерадения и быть осужденным вместе с ним. Посему ныне с Божией помощью, по старческому и архиерейскому благословению, попытаюсь передать то сокровище, которое незаслуженно досталось мне после смерти монаха Давида, духовным кущам — смиренным труженикам, приобретающим себе прибыток в духовной жизни.

Но прежде чем перейти к повествованию, хотелось бы остано-

виться на одном моменте. Монах Давид, описывая видения своей сестры, зачастую называл их «откровениями». У некоторых читателей может возникнуть вопрос: а справедливо ли это называть «откровением»? Мое мнение, что вполне основательно и верно. Во-первых, потому что Давид, услышав его один раз, полностью перевернул свою жизнь, всю ее посвятив на служение Богу. К тому же рассказ сей неизгладимо врезался в его память — явно по действию благодати Святого Духа. А кому вверено сокровище, тому, естественно, дано и правильное наименование этого сокровища. А во-вторых, меня убедили слова апостола Павла: «*Непрестанно благодарю за вас*

Бога, вспоминая о вас в молитвах моих, чтобы Бог Господа нашего Иисуса Христа, Отец славы, дал вам Духа премудрости и откровения к познанию Его» (Еф. 1, 16).

И вот, по великой Своей любви и по предательству Царицы Небесной, Михаилу (будущему монаху Давиду) и Нине Господь дал эту милость — духа откровения в познании Бога, истинности величества Его и силы веры нашей Православной.

Слава милосердию Твоему, Господи!

Итак, «*Богже в помощь мою воими, Господи помози ми потщися*» передать сей небесный талант духовным труженикам во спасение души и во славу Святого Имени Твоего.

Письмо монаха Давида к рабе Божией Нине Григорьевне и брату Иоанну¹

Часть 1

Преславную Божию Матерь, и святых Ангел Благотворцев, неизменно возлюбив сердцем и утеш, Богородицу Сию исповедующе, яко востану рождищу над Бога воплощенна, и молящуюся непрестанно о душах наших.²

Мир Вашему дому!

С земным поклоном к тебе, брат Иоанн, и к Вам, Нина Григорьевна, грешный монах Давид.

Нина Григорьевна, получив Ваше письмо с просьбой описать видения моей сестры, я со значительной задержкой выполняю Вашу просьбу.

При тщательном чтении этого повествования Вы сможете немало почерпнуть для себя духовной пользы. В частности, ясно, достовернейшим образом познаете, какой Всемогуший, Премудрый и Всеблагий Промысл Господний о нас грешных. Убедитесь, что все неприятности, скорби и болезни попускаются нам Свыше для очищения душ наших — если все случившееся с нами будем переносить с благодарением, как достойные того (зная, что основная причина всему скорбному и неприятному — грехи наши, а не бесы и злонамеренные люди).

Также много и других душеполезных истин Вы сможете усвоить себе из этих свидетельств для укрепления в вере, к которой призывал Вас Господь — ради чего я и не стал скрывать сего духовного сокровища. Открываю же его Вам для вразумления, укрепления и спасения душ ваших.

Да будет сие во славу, честь и благодарение Единосущей и Нераздельной Троице и Всемошней Заступнице нашей Госпоже Деве Богородице!

Январь 1983 года

*Доброе дело благословлять Бога, превозносить
Имя Его и благоговейно проповедовать
о делах Божиих; и вы не ленитесь проповедать Его.*

*Тайну цареву прилично хранить,
а о делах Божиих объявлять похвалою.*

(Тов. 12-6-7)

Для того чтобы Вам были более понятны те чудесные события, которые произошли с моей сестрой (думаю, что их вполне можно назвать откровениями), постараюсь предварительно ознакомить Вас с лицами, о которых будет идти речь. Дам кратко характеристику всем членам нашей семьи.

Одним из заслуживающих особого внимания лиц, о котором будет вспоминаться в откровениях, является наша духовная воспитательница и наставница — наша бабушка Иулиания. Она была какой-то особенной. У нее были редчайшие качества человеческой души. Сколько я ее знаю, не помнится случая, чтобы она когда-нибудь поставила себя выше другого или настояла на своем. Но это касалось только житейского — в духовных вещах и понимании она стояла очень крепко, так как ее муж (мой дедушка), будучи противоположного с ней устройства, не полагал на нее. За всю свою жизнь она не усвоила себе ничего душевредного от него.

О благополучии других бабушка всегда думала более, нежели о своем собственном. Несмотря на то, что она имела большие дарования — никогда не превозносилась ими перед ближними. (Одним из ее дарований был замечательный голос — настолько красивый и сильный, что все, слушающие бабушкино пение, пленялись им).

Своим смирением и кротостью бабушка обращала на себя всеобщее внимание. Когда умер ее муж, все жившие одиноко старики изо всей округи начали ее сватать. Но, несмотря на то, что у нее был большой выбор, и можно было бы выйти замуж очень удачно, она всем отказала, сказав: «Буду уж доживать одна, какое мне еще замужество?»

¹ Печатается в сокращении (прим. ред.).

² Любимая молитва монаха Давида (прим. ред.).

Все ее слова и дела были чужды какого бы то ни было лицемерия и притворства. Она делала все искренне, от души.

Много мне приходилось видеть благочестивых женщин — и в миру живущих, и в пустыне, но похожей на мою бабушку встретить не пришлось. Это была мирница, имевшая ангельскую душу.

Когда я уезжал из дома в пустынь, то семья об этом ничего не знала. Все шло обычным порядком. Но когда я зашел на кухню, чтобы протрестись с бабушкой (как это делал всегда), то на сей раз она заплакала и, поцеловав меня, сказала: «Больше в этом мире мы с тобой не увидимся...»

Откуда она это знала?..

Дедушка (его звали Михаил) по своим духовным качествам был совершенно противоположного с ней устройства. В нем сильно господствовали страсти, особенно гордость и самолюбие. Был он требовательным и настоящим (что, правда, не мешало ему сильно любить своих внуков). Вера у дедушки была слабая, так как он в юности очень сильно сблизился с свещенниками.

Несколько слов скажу о нашей маме. Она была женщиной красивой и способной во всяком житейском деле, но чуждой всякой духовности. Ее отец не имел ни малейшего намерения воспитывать свою дочь в религиозном духе. Все ее помышления и действия были только о плотском и земном.

Будучи красивой и талантливой, она обращала на себя внимание многих, часто изменяла моему отцу. Из-за этого дома у нас были частые скандалы. Отец начал пить. Жизнь стала несносной. Мать подала на развод. Разошлись. Мы с сестрой остались с матерью.

Когда делили имущество, в удел матери выпал недостроенный дом — только стены и крыша. Доводить стройку до конца пришлось ей одной... Жили на сухарях: ведь кроме того, что нужно было питаться и одеваться, нужно было еще и строить. И все это на маленькую зарплату матери. Была не жизнь, а мучение. Когда стройка с горем пополам окончилась, стало немного легче.

И вот отец, который жил в нашем же селе, женившись на другой женщине, увидел, что его сын Миша «выбивается в люди»... тогда из-за своих отцовских чувств к оставленным и повзрослевшим детям, невзирая на прежние прелюдии матери, он идет к ней с просьбой принять его обратно. После восьмилетней жизни в одиночестве, отведав досыта вдовинной доли, мать с радостью приняла его.

После этого жизнь в доме пошла по-другому. Но мы уже настолько отвыкли от отца, что он казался нам чужим. Когда, будучи студентом, я приехал по воскресеньям домой, то был рад, если не заставал его дома. Много нужно было делать над собой усилий для того, чтобы преодолеть разившиеся за восемь лет чувства отчужденности.

Поскольку об отце (который тогда был еще не крещен) в откровениях ничего не сказано, то на нем останавливаться не буду. Скажу только, что он относился к жизни более серьезно, чем мать. Когда я был еще маленьким, он всецельно старался поддерживать во мне религиозные чувства, заложенные ранее бабушкой (его тещей).

Особенным чувством любви и уважения я проникнут к своей родной сестре Нине. Ей вместе со мной пришлось испытать все горести сиротства с самого раннего детства.

Оно не даровало ей радостей, приснувших ее возрасту: голод, холод и полунагота были его уделом...

По необходимости напишу кое-что и о себе.

Несмотря на то, что жизнь моя не многолетняя, она богата разными интересными случаями. Однако же подробное описание моей биографии отвлечет Ваше внимание от главной темы, потому постараюсь рассказать о себе по возможности кратко. Остановлюсь только на отдельных моментах, которые имеют прямое отношение к откровениям, дарованным моей сестре для ее обращения к Богу.

Раннее мое детство прошло вдали от родителей, у дедушки с бабушкой. Бабушка возила меня в храм, причащала. Когда я подросток, родители забрали меня к себе. Перед тем, как идти в школу, отец велел мне снять крестик, который я постоянно носил, — чтобы не увидели ученики.

В первые же дни занятий в школе произошло повреждение моей веры атеистическим уроком. С тех пор началось мое духовное охлаждение...

За охлаждением последовал период отсушения. А по прорешения нескольких лет постигла меня внезапная болезнь.

На этом последнем остановлюсь подробнее. Когда я был в девятом классе, то совершенно уклонился от пути истины — сделался годным только на все худое. Заложенные с детства стремления к Богу полностью угасли.

И вот в один прекрасный день со мной произошел непонятный случай. Вдруг ни с того ни с сего мне сделалось тошно. Появилось отвращение от всякого рода пищи. Началась зевота и возникла сильная жажда. Почти целый день я то зевал, то пил воду. Вечером открылась рвота, после которой мне сделалось очень плохо. На следующий день все повторилось точно таким же образом. Я заставлял себя есть через силу, но после этого мне все равно рвало и в желудке почти ничего не оставалось.

Недели через две мать сказала: «Так дело дальше не пойдет, нужно идти в больницу». У меня было предчувствие, что больница мне не поможет, но для спокойствия матери я согласился на обследование. И, действительно, никакого диагноза поставить мне не смогли. Единственное, что обнаружили — весьма незначительное опущение желудка, которое не должно было сопровождаться такими симптомами, как у меня.

Мне делалось все хуже и хуже. Ежедневно после каждого приема пищи (примерно через час-полтора после еды) у меня начиналась неудержимая рвота, после которой чувствовалась разбитость и слабость. Но, как ни странно, все это не сказывалось на моем внешнем виде. Для постороннего глаза я казался цветущим...

В таких мучениях прошли девятый и десятый классы. Но вот школа окончена — нужно куда-то поступать. Раньше у меня были намерения поступать или в политехнический, или в институт иностранных языков, но теперь свои планы пришлось изменить. Теперь мне захотелось постичь врачебную мудрость, чтобы узнать причину и способ лечения хотя бы своей невыносимо тяжелой болезни.

Однако когда это мое желание осуществилось, и я сблизился с так называемыми «светлыми» медициной, то понял, что даже и они при помощи современной аппаратуры не смогут мне ничем помочь...

(Продолжение следует)

О ПРОСТЕЦЕ С КРЕСТОМ

Старец схииеримандрит Захария (1850-1936 г.г.) рассказывал один случай трогательный по своему глубокому содержанию, происшедший с одним человеком, совершенно не знавшим лжи, отличающимся младенческой правдивостью. Здесь выведена душа чистого, прямого, по-детски крепко и просто веровавшего человека, не имевшего никакого образования, но обладавшего чистой душою и волею, стремящейся к Богу, которая делает человека мало чем меньше Ангела, поистине он становится мудрым, способным видеть горнее, как дальнее.

Этот случай произошел в Росли, в глухой-преглухой деревне, отстоявшей от села в нескольких сотнях верст.

Жил там крестьянин сирота, совершенно неграмотный, но очень трудолюбивый, он всегда трудился, ни одной минуты не проводил праздно. Душа у него была крестально чистая. Всегда и во всем он прислушивался к своей совести. Совесть его была правая, не немощная, а истинно правая, чуткая, строгая. Не оскорбляя простецы ее никогда ослушанием и поэтому всегда слышала ее голос. Если человек раз, два и так далее ослушается своей совестью, то перестает ее слышать.

Простец был постыник, довольствовался самым малым. Всегда был бодр и жизнерадостен, никого не осуждал, считал себя гораздо хуже и ниже всех.

Однажды он услышал от какого-то странника, что для того, чтобы спастись, надо взять крест свой и идти за Христом. Наш простец взрослым ни разу не был в церкви, так как она очень далеко была от деревни. Младенцем его крестили в церкви, он сего не помнил. «Надо взять крест свой и идти за Христом», — наши простецы поняли эти слова буквально.

Заказав огромный деревянный крест и решив идти с ним вслед за Христом. Его чистой душе хотелось к Богу, сердце его жаждало спасения, но как идти? Куда? Каким образом? Где Христос? Крест есть, но куда нести его?

Оставив простец все небольшое имущество свое, работу свою, взяв

для крест на плечи и пошел. Пошла, как говорят, куда глаза глядят... Долго, долго он шел и, наконец, в глухом лесу натолкнулся на какой-то мужской монастырь. Он постучался в ворота. «Ты кто такой?» — спросил удивленный приврат-

— Как это? — подивился пришедший.

— А вот сам увидишь, как. А пока благословляю остаться и будет тебе послушание — уборка в церкви. Туда же, в церковь, возьми и снеси крест твой.

С трепетом вошел в церковь простец и стал убираться. Помнил голову и замер... Там, наверху, как раз над алтарем, был большой деревянный крест и на нем изображен Господь распятый, во весь рост. Ничего подобного никогда не видел наш простец. Он взглянул пристально: в руки и ноги вбиты гвозди и сочится кровь... На груди тоже кровь и рана. Голова тоже вся окровавлена, лицо опухло и избито... Кто Это? Кто Это? Кто

Ты Человек? Ты тоже нес свой крест и не расставался с ним? Но как это? Ты там все на нем видишь? — И сердце простеца облилось кровью. Он почувствовал такую любовь и жалость к Страдающему, что, кажется, жизнь бы отдал, лишь бы служить Страдающему и помочь Ему... «Но как Ты там все без еды видишь? Соиди, соиди с креста, я покормлю Тебя». И простец на коленях воздел руки и все молил и молил... «Соиди, приди ко мне, научи меня, как и куда нести крест свой! Может быть, и мне надо распяться на нем?»

Так молил он Распятого несколько дней и ночей, всем сердцем припадая к Нему, и сам весь обливался слезами. И сошел Распятый со креста, вняв мольбам, возносимым к Нему от всего сердца, и ушел Господь простеца, как надо нести

ник, — куда с крестом-то лезешь? — Да вот крест свой нес, не знаю, как к Христу пройти, не укажете ли мне?

— Вот чувак какой, пойду скажу игумену. — Пошел монах, сказал игумену, тот подивился и велел привести к себе простеца.

— Да не цвет, все не хочет оставлять креста своего, а с крестом не может войти к вам в келью, столь он велик у него.

Игумен сам вышел к простецу. Поговорил с ним, и узрел игумен в нем человека Божия.

— Ну, хочешь, мы поможем тебе прийти к Христу, мы тоже к Нему идем.

— А где же кресты ваши? — спросил пришедший, — ведь без креста Господь не примет.

— Они в нас, мы их несем внутри себя, — сказал игумен.

крест свой, чтобы прийти в Царство Небесное. Никто без креста не может спастись. И открыл Господь тайну триедного Бога простею, тайну любви Святой Троицы, Отца, Сына и Святого Духа. «Я Сын Отца Небесного и крестом Своим род человеческий искупил, и без креста никто не войдет в Царство Небесное. Никто без креста не получит в сердце своем благодати Духа Святого. Только надо соединить свой крест с крестом Голгофским и обвить его, как розой, делами милосердия.»

Всему внял простею и принял в сердце Духа Святого, и открыл ему Господь, что через несколько дней отоидет он в Царство Небесное. И став с радостью готовиться к смерти простею, непрестанно молясь и за все благодаря Бога. И открыл он игумену час кончины своей. Игумен прослезился и попро-

сил замолвить и за него слово пред Господом. От всего своего чисто-

го сердца стал просить простею Спасителя за игумена: «Возьми и его

в Царство Небесное, освободи от этой временной жизни». — «Не за что его, он еще не готов...» — «О, возьми его за ту милостыню, которую он давал мне, двойную порцию хлеба, половину которой я приносил Тебе. Сотвори ему милость ради его милости. Возьми его в Царство Небесное.. Господи Боже наш, Ты Спаситель наш, за нас распятый, исполни молитву мою, не лиши и его Своей неизреченной милости и радости.»

И внял Господь молитвам простею, и открыл ему Господь час смерти и игумена, и повелел тому простею час кончины его... И став игумен готовиться к переходу в вечность.

В назначенный день и час отошел простею ко Господу, а через две недели в назначенный день и час отошел и игумен ко Господу...

«Старец Захария. Подвиги и чудеса». — М.: ТРИМ, 1993

ДЛЯ НАС ВСЕГДА ОТКРЫТЫ ДВЕРИ В ХРАМ

Для каждого открыты двери в храм,
Лишь только постучи — согреешь душу.
Как здорово, в тишине, по вечерам
Молитвы колокольный голос слушать,

Среди икон, в мерцающих тенях,
Искать спасения и утешения.
На крае догорающего дня
Слинясь свеч, сердец, людей смешенье...

И запоздалой исповеди дрожь,
И добрый взгляд священника, в надежде,
Что вновь тропой греха ты не пойдешь
И станешь лучше и умней, чем прежде,

Что, поклонившись низко-низко там,
Поднимешься к любви и покаянию...
К спасенью, к Богу, через испытанье
Для нас всегда открыты двери в храм.

Татиана Лапина, г. Елец

Христианская жизнь

ЖИЗНЬ ИДЕТ

Жизнь идет, протекают года,
Ритм часов всё стучит скоротечно,
Где за тонкой вуалью времен
Мы подходим к двери, именуемой вечность.

И другого пути для нас нет
В эту дверь всем войти нам придется.
Там Христос! Там Любовь и там Свет,
Свет нетварный — Он Богом зовется.

Этот Свет — адвокат и судья,
Просветит заглубленную душу.
И она всё увидит сама,
И покой тот никто не нарушит.

Кому радостен будет тот миг,
Потому что всей жизнью стремился к той двери.
А кого этот Свет будет жечь
За бездельно прожитое время.

Жизнь идет, протекают года,
Ритм часов всё стучит скоротечно.
Ты очнись, ты опомнись, душа,
Мы подходим к двери, именуемой вечность!

Паломник

Симеон лежал, сна не было. Он все передумал и все вспомнил, а утро не наступало. Вот, наконец, зашел петух, и заблеяли козы. Пора вставать. Он попытался подняться и не смог: слабость – руки и ноги не слушаются его.

– Ну что ж, значит, сегодня полежу, – и старик, истомленный бессонной ночью, задремал. В этой дремоте, в полусне возник голос: «Вставай, Симеон, иди встречай Долгожданного!»

Как он оделся, как встал и пошел, он помнил плохо – всё как в тумане. И когда брел к

храму, мелькали мысли: «Какой Он? Зрелый Муж или Юноша? Что Он мне скажет?.. Знает ли Он, что я для того только и живу, чтобы встретить Его?..»

Во дворе храма клубится дым, приносит жертвы великому и непостижимому Богу. Богатый саддукей гордо несет белую пушистую овечку. Рядом жена в шелковом платье, звеня золотыми серьгами и браслетами, держит младенца. Недовольно покосилась на Марию: и одета бедно, и муж старый, а сияет словно царица!

А Мария молится, ничего не замечая вокруг: – Господи, благодарю Тебя за Твоего Сына. Ты дал Мне великое Сокровище. Прости за малость нашего дара – двух птенцов голубиных мы принесли Тебе.

Встреча

Играют думы в высокоом небе, будто чертят слова на непонятном языке.

Мария увидела Анну с Симеоном: тот ей что-то говорил, а Анна качала головой и пристально всматривалась в проходящих людей. Никто из них не заметил, как подошла Мария.

– Приветствую вас! – сказала Мария, – у меня родился Сын, Иисус. И Она показала им Своего Мальчика.

Старик взял на руки Ребенка. «Это Он, – запели душа и тело, – ты держишь на руках Спасителя!»

Он прижал к груди Иисуса и, тихо радуясь, сказал Марии:

– О, Дева Израиля, Ты родила Мессию! Твоего Сына я жду всю жизнь! И вдруг скорьбь пронзила Марию – Она увидела Крест, на котором умирал Человек, и заплакала. Видение пропало, а Симеон сказал:

– Тебе придется много страдать, но Ты самая счастливая и самая прекрасная Мать на земле, Мария!

Мальчик открыл глаза и улыбнулся.

Анна воздела руки, и вдохновенная молитва радости и благодарности полилась в небо.

Симеон прощался с храмом, с Иерусалимом, с тихой вечерней землей:

– Ты отпускаешь меня, Господь, с миром. Слова Твои сбылись, ибо глаза мои видели Того, Кто спасет всех людей земли.

Сегодня вечером он спокойно закроет глаза на своей постели и уснет, чтобы никогда не проснуться.

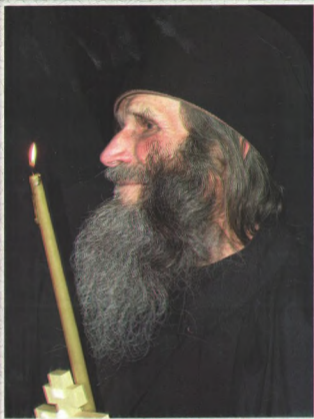
О. Лихачев, «Основы православной культуры для детей дошкольного возраста»

Просьба не брать материалы в рукописных целях

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуналь, 14, Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55. Выходной с 2000 г. Тираж 5000 экз.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ №ФС77-21446 от 01 июля 2005 г.

Путь монашествующих – это непрерывный крест – распятие себя, отречение своей воли – это мученичество.

Старец синархимандрит Захария

Один Бог да душа – вот монах.

Святитель Феодан Затворник